

ЭФРАИМ СНЕ

НАВИГАЦИЯ В ОПАСНОЙ ЗОНЕ

*Израильская стратегия мира
и безопасности*

УДК 327(569.4)
ББК 66.5(5 Изр)
С53

Директор проекта: Марк Бибиychков
Редакторы: Марк Бибиychков, Виталий Кабаков
Перевод с английского: Анна Капнельсон
Художественное оформление: Ирина Лебедева
Фотографии из личного архива автора

С53 Сне, Э.
Навигация в опасной зоне / Эфраим Сне. — М.: ООО
«Агентство «КРПА Олимп», 2005. — 160 с.

ISBN 5-9648-1834-X (ООО «Агентство «КРПА Олимп»)

Эта уникальная книга — первая попытка на русском языке дать всесторонний стратегический обзор ситуации в ближневосточном регионе, объективно оценить возникающие здесь противоречия и проблемы.

Автор книги Эфраим Сне — известный израильский политик и общественный деятель. Сегодня он является председателем фракции партии «Авода» в Кнессете — одной из двух крупнейших партий Израиля.

Способно ли израильское государство не только выжить, но и успешно развиваться, будучи со всех сторон окруженным мусульманскими странами? Автор отвечает на этот вопрос с позиций приверженца не только силовой стратегии и тактики сдерживания, но и идей взаимовыгодного сотрудничества, гражданина государства, находящегося на переднем фланге борьбы с глобальной террористической угрозой.

УДК 327(569.4)
ББК 66.5(5 Изр)

ISBN 5-9648-1834-X (ООО «Агентство «КРПА Олимп»)

© ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2005

Предисловие

В феврале 1996 года, в бытность министром здравоохранения, я опубликовал на иврите книгу под названием «**Со всей ответственностью. Израиль после 2000 года**». В ней я проанализировал ситуацию в регионе, с кропотливостью в ней угрозами и перспективами развития, а также описал меры, которые Израиль должен принять, чтобы обеспечить себе безопасное существование на Ближнем Востоке, уже далеко не прежнее, но таком же нестабильном. Книга «Навигация в опасной зоне» во многих смыслах продолжает написанное почти десять лет назад, с необходимыми поправками и дополнениями. Некоторые страницы я мог бы даже оставить без изменений. В книге, которую вы держите в руках, также описаны угрозы и подстерегающие страну опасности, потенциальные союзники и противники. Кроме этого, мне кажется важным дать ответ на вопрос: что необходимо сделать, дабы плавание Израиля во все еще опасных, враждебных нам бурных водах Ближнего Востока было успешным. Настоящая книга менее оптимистична, чем предшущая. Регион изменился к худшему за прошедшие годы. Угрозы по отношению к Израилю усиливались, процесс договоренности с палестинцами, который принес надежду и экономическое процветание в 1994—1996 годах, угас и превратился в кровавое прогнивание, стоившее жизни более чем тысяче израильтян и нескольким тысячам палестинцев.

Среди тех профессионалов в области международных отношений, военного дела и государственного устройства, которых я познакомил с содержанием рукописи книги до ее публикации, нашлись такие, кто был против детального описания всех угроз и опасностей, стоящих перед Израилем. По их мнению, слишком кровавый анализ ситуации пугает народ и приводит его в отчаяние. Я же уверен, что роль политического руководства состоит в том, чтобы открыть перед своим народом всю правду, а также найти возможные выходы из сложившейся ситуации и единственно правильный курс. Поэтому я счел своим долгом, находясь на требующей полной отдачи должности министра транспорта, найти также время для написания этой книги.

Важно, чтобы проблемы, стоящие перед израильской общественностью, были представлены профессионалами, которые имеют должный политический, государственный и армейский опыт, ориентируются в происходящем и могут предложить возможные пути решения этих проблем. Отсюда и название книги — «Навигация в опасной зоне». «Зона» действительно опасна, но, действуя мудро, мы сможем и впредь обеспечить стране безопасную навигацию.

Объективное исследование ситуации не должно, не дай бог, повергнуть нас в отчаяние. То, что описано в книге, основывается не только на признании нашей силы, но и на вере в то, что все самое лучшее, самое качественное в израильском обществе укрепитися и даст нам силы выстоять в испытаниях, если они выпадут на нашу долю.

Для меня знаменательно, что исправленное и дополненное издание этой книги выходит на русском языке. Тому есть несколько причин.

Важно, чтобы в России и странах СНГ лица, принимающие государственные решения и просто проявляющие интерес к проблемам Ближневосточного региона, имели правильное представление о стратегическом положении Израиля, его опасениях и перспективных планах сотрудничества. Многолетний военный и политический опыт позво-

ляет мне представить основные тенденции в регионе, их влияние на государственную и оборонную стратегию Израиля.

Другая причина — это сам русскоязычный читатель, — огромное читательское пространство, охватывающее многие страны, и, в не малой степени, Израиль, где около миллиона русскоязычных израильтян до настоящего времени предпочитают пользоваться источниками информации на своем родном языке. К сожалению, большинство русскоязычных СМИ, информирующих общество о происходящем в Израиле, склоняются к точке зрения правой, часто религиозно-националистической идеологии, которая нередко использует понятия патриотизм и национализм как синонимы. Бывшие граждане Советского Союза с готовностью откликнутся на призывы израильских правых, что вполне объяснимо. С одной стороны, национализм и тотальная враждебность к арабскому окружению — это естественная реакция для тех, кто жил в качестве национального меньшинства в среде, которая зачастую была настроена к ним враждебно. С другой стороны, Советский Союз был государством, которое только захватывало территории и никогда их не отдавало, государство, которое использовало методы переселения целых народов, намеренного расселения русскоязычного меньшинства в «союзных и федеративных республиках», тем самым навязывая русификацию другим народам с совершенно иной ментальностью и культурой. Тем, кто жил в такой системе, зачастую трудно понять, что можно жить иначе, что захват территорий не гарантирует избыточной мощи государства и не делает поселенцев на этих территориях ни господами, ни равноправными партнерами с местными жителями, так как этническое население отторгает их.

Мне очень важно, чтобы русскоязычный читатель узнал, что существует мировоззрение, полагающее, что только сильный, непобедимый, уверенный в себе Израиль может прийти к миру, прежде всего с палестинским народом, пу-

тем переговоров и взаимных соглашений. К миру, жизненно необходимому для процветания и экономической мощи Государства Израиль.

Хочу выразить благодарность военному обозревателю Зеэву Шифу и профессору Эхулу Толедано за их ценные замечания в процессе подготовки рукописи к печати.

И еще одно замечание, для меня очень важное. Книга на иврите была опубликована в тридцатую годовщину со дня смерти моего отца Моше Сне, да будет благословенна его память. «Вся моя жизнь была посвящена еврейскому народу», — писал отец в своем завещании. И так оно и было.

Отец был одним из лидеров польского еврейства до начала Второй мировой войны, командиром еврейской военной организации «Хагана» и одним из основателей еврейского государства. После образования государства Израиль он являлся одним из лидеров «левого фланга» израильской политической системы, тяготевшей к стратегическому сотрудничеству с СССР, депутатом парламента с момента его основания и до самой своей смерти, несущим идеи общественной справедливости и мира. От отца я перенял любовь к еврейскому народу и веру в то, что самое важное — это обеспечение безопасного существования нашего народа в меняющемся мире. Именно эта вера, воспринятая от отца и является на сегодняшний день основой моего мировоззрения и движущей силой моей деятельности. Памяти моего отца, этого самого близкого для меня человека, я посвящаю эту книгу.

Глава 1

ОПАСНАЯ ЗОНА

В своих планах на будущее Израиль должен исходить из того, что Ближний Восток продолжит быть нестабильным и взрывоопасным регионом, даже если расширится круг государств, подписавших с Израилем соглашения о мире. Причина этому — существование в регионе постоянных факторов, являющихся причиной нестабильности. Если быть более точными, то речь идет о трех факторах неравновесия (imbalance), а там, где нет равновесия, нет и стабильности.

Первый фактор нестабильности — несправедливое распределение материальных благ в арабском мире. Тот, кто задавался вопросом, почему Саудам Хусейн в самый разгар кризиса в Персическом заливе завоевал такую большую симпатию среди арабских масс, найдет здесь ответ. Саудам Хусейн превратил себя в защитника «униженных и оскорбленных» арабского мира. Он солидаризировался с ними, а они, с готовностью, — с ним. Скрытое недовольство среди населения стран арабского мира нефтяными магнатами, королевскими семьями, сосредоточившими в своих руках баснословное богатство и живущими в роскоши, растет и ширится. Оно направлено также и против западного мира во главе с США. Мир богатства, технического прогресса и вседозволенности вызывает у них зависть. Поэтому в наши дни Усама Бин Ладен —

кумир народных масс в арабском и мусульманском мире, от Рамаллы до Джакарты.

Социальное неравенство между горсткой очень богатых и массой очень бедных людей, существующее в нашем регионе, принципиально не сократится в обозримом будущем. До тех пор, пока существует этот разрыв, пока распределение богатств будет до такой степени неравномерным, в нем не будет стабильности. Всегда найдется кто-то, кто сможет использовать это недовольство, это чувство униженности в своих целях.

Поднимающаяся волна исламского фанатизма, захлестывающая мир, самым чудовищным выражением которой были теракты 11 сентября 2001 года в США, совершенные организацией «Аль-Каеда», является в большой степени следствием глубокой экономической отсталости мусульманского мира. Она также следствие не только отсутствия равновесия в обществе, господствующего в этих странах, но и отчаяния, чувства зависти к современному и богатому западному миру. На почве этой отсталости выросли исламские организации, воюющие с Израилем. Например, организация «Хизбалла» была создана Ираном среди шиитского населения на юге Ливана, которое чувствовало себя, и не без оснований, дискриминированным центральной властью Бейрута.

Второй фактор нестабильности — это отношения между большими радикальными государствами и их малыми консервативными соседями. Отсутствие этого равновесия наиболее очевидно в странах Персидского залива. С одной стороны, мы видим Иран и Ирак — два крупнейших в этом регионе по площади, численности населения и природным ресурсам государства. С другой стороны — страны Персидского залива, с относительно небольшими территориями и численностью населения, но также богатые природными ресурсами. В Иране к 2003

году насчитывалось 66 миллионов человек, и валовой национальный продукт составлял 80 миллиардов долларов.

Во всех странах Персидского залива в то же время насчитывалось приблизительно 24 миллиона человек и валовой национальный доход — 204 миллиарда долларов. Население Ирака меньше совокупного населения стран Персидского залива, оно составляет 23,7 миллиона человек. Но национальный валовой доход Ирака в 11 раз меньше, чем в странах Персидского залива, и составляет 19 миллиардов долларов. Это неравное соотношение усугубляется противостоянием больших и сильных, с военной точки зрения, стран Персидского залива, чей доход на душу населения 1200 долларов (в Иране) и 790 долларов (в Ираке), и маленьких стран с доходом на душу населения 8500 долларов, то есть превышающим предыдущие показатели в семь и десять раз соответственно. Этот разрыв — объективная причина для постоянной угрозы конфронтации в регионе. Искусшение сильного атаковать своего более слабого, но вместе с тем более богатого соседа является непреходящим фактором для развязывания войны. Война в Персидском заливе оставила основные факторы неравновесия и, соответственно, неустойчивости в регионе без изменений.

Третий фактор нестабильности — это отношения Израиля и окружающих его стран. Рассмотрим проблему во временной перспективе. Важно понять, что этот фактор продолжит существовать, даже если воцарится настоящий мир, наполненный созиданием, между Израилем и всеми его соседями, что на сегодня кажется весьма далекой перспективой.

В первую очередь, нужно помнить, что Ближний Восток не славится ни своей толерантностью к национальным и религиозным меньшинствам, ни способностью этих меньшинств выжить в нем в качестве самобыт-

ной национальной единицы, лишённой оборонной мощи. Судьба христианской общины в Ливане служит лишним тому подтверждением. Израиль же всегда будет отличаться от своего окружения в регионе. Израиль — это единственное в мире государство, со своим особым национальным характером, историей и религиозной самобытностью. Окружение Израиля — и ближайшее, и более далекое — всегда будет арабо-мусульманским по составу населения и идеологии. Подобное положение невозможно не учитывать, даже при развитии самой благоприятной для нас ситуации в регионе. Поэтому нам всегда нужно брать в расчёт, что несогласие на существование Израиля как еврейского независимого и сильного государства в арабо-мусульманском окружении, если и будет временами угасать или уснет на долгие годы, в один прекрасный день может проснуться и выпыхнуть с новой силой. Это идеологическое несогласие никогда не будет искоренено окончательно даже при наличии самой благоприятной для нас ситуации в регионе.

Я не хочу сознательно слушать краски и быть излишне подозрительным к нашим арабским соседям. Но нельзя и недооценивать ситуации. Это трезвый подход в деле обеспечения безопасности для народа, который большую часть своей истории не имел своего государства и являлся жертвой беспощадности и первобытной жестокости, какую когда-либо знало человечество. Зная это и оглянувшись вокруг, мы сможем лучше понять, насколько обделен Израиль по сравнению со своим окружением во всем, что касается населения и территории. В Израиле на сегодняшний день проживает около семи миллионов человек, из них около пяти с половиной миллионов евреев. В Египте, Иордании, Сирии и Ливане проживает около ста миллионов человек. Численность палестинцев на территориях составляет около трех милли-

онов человек. Если прибавить к ним Ливию, страны Северной Африки, Ирак и Иран, то суммарное число арабов и мусульман, живущих в этой зоне, — около 260 миллионов человек. Территориальная диспропорция обнаруживается при беглом взгляде на карту. Территория Израиля составляет около 11% от территории Сирии и около 2% от территории Египта.

Стратегическая значимость небольшого по территории Израиля еще больше усугубляется плотностью еврейского населения, проживающего в основном на протяжении прибрежной равнины между городами Акко и Ашкелоном, или, выражаясь простонародно, — «от Хадеры до Гедеры». Такая высокая плотность населения делает Израиль особенно уязвимым, потому что на прибрежной равнине сосредоточено не только большинство населения страны, но и главные экономические, технологические и общественные объекты. Такое государство тяжело защитить, тем более от атаки оружием массового поражения.

Несбалансированность факторов «территория — население» проявляется также в количественном соотношении военных сил Израиля и его соседей. И все это, разумеется, не в пользу Израиля.

На первый взгляд, невыгодное положение Израиля по показателям населения и территории уравнивается его экономической мощью. Национальный валовой доход Израиля суммарно равен национальному валовому доходу Египта, Сирии и Иордании вместе взятых, население которых превосходит население Израиля в пятнадцать раз. Но это сильное экономическое превосходство, дающее хорошие шансы Израилю укрепить свой региональный и мировой статус, не может компенсировать недостаток населения, а также уязвимость страны в условиях ее конфликта с окружением.

Два фактора, и только в их сочетании, могут устранить этот недостаток и дать Израилю стратегический баланс с его окружением.

Первый: военное, технологическое и разведывательное превосходство.

Второй: защищенные границы.

В этом, мне кажется, суть ответа на вопрос об уверенной навигации в опасной зоне. В следующих главах я подробно проанализирую опасности и угрозы, стоящие перед Израилем, и то, как адекватно на них реагировать.

МЕЖДУ ИОРДАНИЕЙ И МОРЕМ

Глава 2

«Эпицентр конфликта» — это избыточное выражение, тем не менее оно точно определяет противостояние Израиля и Палестины в рамках арабо-израильского конфликта.

Эта борьба, по сути, является конфликтом между двумя национальными движениями за владение узкой полой земли, что лежит между Иорданией на востоке и Средиземным морем на западе. Ограниченная площадь, близкое местоположение народов, высокая плотность населения являются факторами, не оставляющими другого решения, кроме договора о разделе территории. Такой раздел, если только он будет подкреплён тщательным рабочим правовым и практическим механизмом мирного сосуществования двух народов, приведет к историческому примирению.

Продолжение военных действий вновь и вновь будет возвращать нас к страшной реальности с тысячами жертв, понесенными обоими народами, палестинским и израильским, разрушением инфраструктуры, развалом экономики, обнищанием населения...

Только в примирении и экономическом сотрудничестве заключен огромный потенциал для построения эффективной экономики Палестины и Израиля.

Разрыв между двумя альтернативами огромен. В бытность мою главой гражданской администрации в Иудее и Самарии (1985—1987) я смог ближе познакомиться с палестинцами. И с тех пор я верю в то, что примирение неизбежно, а также в экономическую перспективу израильско-палестинского сотрудничества. Я верен своим убеждениям даже в эти кровавые дни интифады, когда пишется эта книга.

Война за землю Израиля, или Палестину, как ее называют арабы, дала повод арабским странам для отрицания еврейского государства в первые три десятилетия после его создания. Даже когда они поневоле примирились с существованием Израиля, солидарность с палестинцами продолжала подпитывать их неприязнь еврейского государства.

Для экстремистов палестинская проблема стала предлогом любыми способами бороться с нашей страной. Умеренным прагматикам она не позволила активно влиять на процесс нормализации отношений с Израилем.

Более того, для арабского мира палестинский вопрос превратился едва ли не в единственный этический вопрос, вокруг которого он может объединиться. Арабские страны, среди которых царит враждебность и подозрительность, способны сплотиться в нужный момент вокруг этой проблемы. И это несмотря на то, что правящие режимы большинства арабских государств презирают палестинцев, глумятся над ними и даже не рассматривают вопрос о возможности пребывания палестинцев на их территории.

Отношение арабских стран к палестинцам, по их же собственным заверениям, сравнимо с отношением европейских народов к евреям. Презрение, идущее от зависти. Как известно, палестинцы занимают многочисленны

высшие посты управления в странах Персидского залива, их вклад в экономику Иордании и других арабских стран значителен и неоспорим. Палестинские бизнесмены входят в элиту бизнес-сообщества арабского мира. Все это вызывает зависть и ненависть к рассеянному по миру, как и евреи, палестинскому народу. К самому Арафату враждебно относились немалая часть руководителей арабских стран. Эпитеты, которыми они награждали его на закрытых заседаниях, были, мягко говоря, нелицеприятны. Но он умело задействовал на каждом «арабском пекрестке» кодовые слова о палестинской нужде и извлекал из этого выгоду.

Отсюда понятно, почему наши отношения с палестинцами решительным образом влияют на наши отношения с другими арабскими странами. Договор о мире с Иорданией не случайно был подписан в то время, когда норвежские соглашения были на пике своей реализации, то есть в период израильско-палестинского сближения и примирения. В этот же период установились дипломатические отношения со странами Персидского залива и Северной Африки. С другой стороны, чем больше ухудшались наши отношения с палестинцами, тем больше охладелись отношения с другими, умеренными странами региона, вплоть до полного их замораживания и разрыва.

Режимы большинства арабских стран никогда не будут подвергать себя опасности конфликта с собственным народом из-за отношений с Израилем. А этот народ видят на экранах телевизоров одиозную информацию, например, столкновения палестинцев и солдат Армии Обороны Израиля, причем представленные с крайней враждебностью по отношению к Израилю. Подобное манипулирование общественным мнением СМИ и религиозными деятелями арабских стран приводит к всплескам так называемого «народного гнева».

Поэтому поддержание нормальных отношений с Израилем воспринимается на сегодняшний день общественной, и главным образом религиозно-экстремистской оппозицией, существующей в каждой арабской стране, как моральная замена делу палестинцев в чужести и арабскому миру вообще.

Таким образом, нет шансов на улучшение наших отношений с Иорданией, Египтом, странами Персидского залива, Тунисом и Марокко без спада напряженности между нами и палестинцами. Палестинский вопрос — как искра для каждого регионального антиизраильского очага напряженности, и позднее мы еще вернемся к этой теме.

Перед тем как приступить к рассмотрению угрозы, причиной которых является наш продолжительный конфликт с палестинцами, есть необходимость кратко коснуться тех соглашений, которые мы с ними уже подписали. А именно норвежских соглашений («договора Осло»). Были ли норвежские соглашения историческим достижением или трагической ошибкой?

В стратегическом плане, в свете долгосрочных перспектив, норвежские соглашения не являются ошибкой. Их заключение было правильным шагом. Правильным, да не совсем.

Историческая важность «договора Осло» такова, что в его рамках израильяне и палестинцы — Рабин и Перес с одной стороны, Ясир Арафат с другой, — решили перенести конфликт между сторонами с поля боя за стол переговоров. Стороны не пытались уйти от сложности конфликта, но тем не менее пришли к выводу, что его нужно закончить компромиссом и примирением. В основе «договора Осло» не лежала формула «территории в обмен на мир», но «суверенитет в обмен на безопасность».

Читая текст норвежских соглашений, сразу понимаешь, что в нем говорится о простой сделке: палестинцы

получат государство (приблизительно в границах, существовавших до Шестидневной войны 1967 года), и за это они сами будут эффективно бороться с террором. Помимо этого основного соглашения, в договоре очень подробно говорится о сотрудничестве между Израилем и палестинцами еще в процессе получения ими независимости. Имеется в виду сотрудничество в экономике, здравоохранении, энергетике, сельском хозяйстве и еще примерно в дюжине отраслей. Практически во всех сферах жизни. Это многогранное сотрудничество должно было создать практический фундамент для добрососедских отношений, от которых выпрают оба народа.

Парижское соглашение, которое подписали Авраам (Байта) Шохат (в то время министр финансов Израиля) и Абу-Агла (один из лидеров ООП) в апреле 1994 года, гарантировало Израилю и Палестинской автономии плодотворные экономические отношения. Их должен был укрепить и дополнить государственный договор, который был подписан 13 сентября 1993 года в США, в Белом доме.

Нужно отметить, что сотрудничество между спецслужбами в различных областях деятельности, в том числе и военными, вовлекло сотни людей с обеих сторон в сферу делового, профессионального взаимодействия, итогом которого является падение психологических барьеров, ус-тановление личных отношений и, как следствие, уменьшение ненависти и неприязни. Погромы у Стены Плача в сентябре 1996 года (когда победивший на выборах новый израильский премьер Нетаниягу без всякого согласования пошел на открытие пещеры Хасмонеев в Иерусалиме, в результате чего вспыхнули вооруженные выступления палестинцев) отбросили эти положительные тенденции назад, а начало второй интифады в сентябре 2000 года свело их на нет.

В чем же состоял недостаток норвежских соглашений? В них отсутствовала обусловленность действий сторон. Арафат удостоился признания Израилем, по сути, за свою ползись, а не за конкретные действия против террора. Уже позднее Рабин заморозил передачу палестинских городов под контроль Арафата до тех пор, пока тот реально не остановит смертоносные теракты «Исламского джихада» и «Хамаса» против Израиля. Когда в рамках соглашения был передан в статусе «территории А» под полный палестинский контроль первый палестинский город Дженин, Рабина уже не было в живых. Следует вспомнить, что только благодаря своему обещанию бороться с организациями радикальной оппозиции, Арафат получил наше согласие на создание полицейских подразделений в размере десятков тысяч вооруженных людей. Также три передислокации, которые привели к передаче территорий на Западном берегу Иордана под контроль Палестинской автономии, должны были, в соответствии с норвежскими соглашениями, служить для палестинцев «авансом» за их значительное продвижение на переговорах о постоянном урегулировании. Когда эти переговоры были фактически остановлены в годы правления Беньямина Нетаниягу, передислокации превратились из платы за то, что уже сделано, в аванс для палестинцев, чтобы сделать еще больше в будущем.

Каждый палестинско-израильский договор, который будет подписан в будущем, будет основан на «уравнении» Осло: эффективная палестинская борьба с террором и экстремистами в обмен на израильское согласие создания Палестинского государства и помощь в его развитии.

Когда были подписаны соглашения в Осло и второе — в Вашингтоне, обе стороны видели похожую, если не сказать идентичную картину постоянного урегулирования: два государства, живущие в мире и экономическом со-

трудничестве. Уже тогда было ясно, что нет единого мнения относительно деталей соглашения. Не было определено, какой точно процент территорий Западного берега будет передан в конце концов под палестинский суверенитет; что будет с поселениями и каков будет их статус; как будет поделена власть и суверенитет в арабских кварталах Иерусалима, каков будет статус святых мест; как решится проблема палестинских беженцев.

Рабин полагал, что пять лет, которые потребуются для окончательного решения этих вопросов, будут годами созидания, подготавливающими стороны к возможности компромисса. То, что произошло после его убийства, было полной противоположностью. Четыре года, прошедших после победы Нетаниягу на выборах в мае 1996 года и до провала переговоров в Кемп-Дэвиде в июле 2000 года, оказались годами, когда вера в достижение компромисса была разрушена. Эхуд Барак прибыл в Кемп-Дэвид с честными предложениями, но с «опозданием» на год. Год, в который он, пребывая у власти, ни в чем не продвинулся на переговорах с палестинцами. За этот год палестинцы утратили веру в его добрые намерения и готовность к компромиссу.

Настаивание Арафата на каждом спорном пункте, его приверженность своей старой риторике и неизменный созданный им образ «человека в военном френче», предпочитающего победу компромиссу и борьбе, успеху за столом переговоров, — все это привело в итоге к тяжелому кризису в отношениях Израиля и палестинцев. Не изваны норвежские соглашения, но действия лидеров привели к этому кризису.

Были ли норвежские соглашения мечтой Ицхака Рабина? Здесь я чувствую себя обязанным памяти своего любимого учителя и хочу кратко рассказать о попытке Рабина добиться лучшего договора. В своей книге «При-

касаясь к миру» бывший в то время заместителем министра иностранных дел Йоси Бейлин рассказывает, что 6 июня 1993 года, когда переговоры в Осло были в самом разгаре, Ицхак Рабин неожиданно приказал министру иностранных дел Шимону Пересу немедленно прекратить переговоры. Устное указание было подкреплено личным письмом Пересу, в котором Рабин также возражал против той, ставшейся версией Декларации о принципах. По прошествии четырех дней запрет был снят, и переговоры в Осло возобновились. «Я так и не понял, что за “переворот” произошел с Рабиным... Даже сегодня у меня нет ответа на этот вопрос, и он, видимо, никогда не будет найден», — пишет Бейлин в своей книге.

Между тем у меня есть ответ на этот вопрос. В мае 1993 года я убедил Ицхака Рабина в необходимости предложения палестинцам договора, который пойдет в обход существующим формулировкам и сможет сдвинуть переговоры в Вашингтоне с мертвой точки. Я предложил признать ООП (Организация Освобождения Палестины), но при условии реального прекращения террора не менее чем за полгода до этого признания. Параллельно следовало принять ряд мер, укрепляющих доверие на территориях, подготовить выборы в палестинский парламент на территориях и передать власть в его руки в секторе Газа в качестве модели, которая будет внедрена впоследствии и на Западном берегу. Каждый последующий этап программы зависел от успешного осуществления предыдущего этапа. Основной проверкой намерений партнера становилась эффективная борьба ООП против террора. Мы пришли к выводу, что основой переговоров будет обеще исправление «Декларации принципов», которое предложили США сторонам в ходе переговоров в Вашингтоне 12 мая 1993 года. Я договорился с Набилем Шаатом, одним из лидеров ООП, встретиться в Лондоне, где

мы должны были вместе остановиться в отеле «Сент Джеймс» на конференции ООН, посвященной конфликту на Ближнем Востоке.

7 июня я отбыл в Лондон после получения подробных указаний от Ицхака Рабина. Набиль Шаат и я ускользнули с заседаний конференции в мой гостиничный номер, чтобы сформулировать согласованную декларацию. Моя супруга Тики и дочь Хави находились в то время в Лондоне, так как дочь недавно закончила продолжительную службу в десантных частях и отменяла свое увольнение из рядов Армии Обороны Израиля (ЦАХАЛ) посещением университетов на Оксфорд-стрит. Я оправдал свое отсутствие на заседаниях конференции тем, что должен был присоединиться к семейному «шопингу», дабы женская половина моей семьи не слишком усердствовала в своем вкладе в британскую экономику. Вскоре после этого американский представитель сделал мне замечание, обратив внимание на то, что Набиль Шаат и я сбегает с заседаний в одно и то же время. Мы перенесли наши встречи на вечер. Из-за отсутствия кондиционеров в лондонском отеле, Набиль и я сидели в майках, при этом капли пота падали на черновик соглашения. 9 июня, поздно ночью, мы наконец пришли к общей версии договора, которую и привезли домой. Набиль Шаат — на рассмотрение Арафата, а я — Ицхака Рабина.

Когда я пришел к Рабину с докладом о переговорах, он показал мне оперативную сводку одного из отделов нашей разведки. Из достоверного источника нам стало ясно, что Арафат был заинтересован только в переговорах, которые в то самое время велись в Осло, и никакой другой канал переговоров уже не был для него ни приоритетным, ни даже приемлемым. Он понимал, что любым другим способом или другой версией договора добьются меньшей выгоды и ему придется взять на себя

большие обязательства. Рабин рассказал мне спустя несколько дней, что Симон Перес рассердился на него за попытку открыть другой канал переговоров с палестинцами, и что люди Переса поставили на вил Абу-Мазену (в то время одному из лидеров ООП), когда он просил встречи со мной как с личным представителем Рабина. Рабин тогда понял, что Осло — это «единственная игра в городе», и если отложить подписание договора, то он не успеет подписать его в течение первых девяти месяцев своего пребывания у власти, как он обещал своим избирателям в предвыборной кампании 1992 года.

Постфактум Рабин мог избежать такой ситуации. В октябре 1992 года ко мне обратились два человека от имени Абу-Мазена, каждый независимо друг от друга, и просили создать канал переговоров с Ицхаком Рабиным, избранным главой правительства Израиля несколькими месяцами ранее. Первым был бизнесмен Давид Зускинд, один из лидеров еврейства Бельгии и активист движения за мир. Другой — палестинский бизнесмен, живущий в Европе, который был связаным между нами и Арафатом в контактах, которые я осуществлял с его помощью с 1989 года.

Рабин придерживался тогда переговоров в Вашингтоне, в которых участвовали представители ООП терри-торий и израильская делегация под руководством Элиэкима Рубинштейна при активном американском посредничестве. Рабин был прямым и честным человеком и потому строго выполнял обязательства, взятые им на себя перед американцами и израильской общественностью. В соответствии с этими обязательствами, нет переговоров с ООП Туниса, а есть — с ООП терри-торий. «Еще не время», — сказал мне Рабин, и я передал вежливый отказ посланцам Абу-Мазена. В декабре того же года люди Арафата уже создали канал для контактов в Осло с помощью доверенных людей Йоси Бейлина — Рона Пундака и Яира

Хиршфельда. Таким образом, палестинцы подошли к правительству Израиля путем, который вызывал меньше подозрений к ООП, был менее осторожным с нашей стороны, более открыт хоть какому-то соглашению и мог с большей вероятностью привести к уступкам с нашей стороны. Я ни в коей мере не хочу умалять признание заслуг Пундака и Хиршфельда, которые годами искали возможность для переговоров с целью заключения палестино-израильского договора. Я также лично принимал участие в секретных контактах с палестинским руководством с августа 1988 года по поручению Ицхака Рабина и Симона Переса. Я ругаю себя за то, что не настоял тогда на том, чтобы Рабин использовал возможности, которые у него были незадолго до его избрания главой правительства, хотя мне известно, что шансы убедить его «сократить путь» к соглашению были невелики.

Другой вопрос, на который есть необходимость ответить: заблуждался ли, и если да, то где, Эхуд Барак за время своего короткого пребывания на посту главы правительства, которое завершилось политическим разочарованием и вооруженным противостоянием с палестинцами? Я был заместителем Эхуда Барака в министерстве обороны, но этот факт не избавляет меня от необходимости объективного и честного ответа.

На мой взгляд, мы потеряли важное время, отодвинув интенсивные переговоры с Арафатом примерно на год с момента создания правительства во главе с Барак-ком. А до этого переговорный процесс был заморожен на три года, во время правительства Нетаниягу. Тот, кто интересуется детальным документальным подтверждением этому не самому удачному периоду нашей истории, найдет его в книге Йоси Бейлина «Путеводитель раненного голубя мира», вышедшей в издательстве «Едиот ах-ронот»).

Это были пагубные для мирного процесса годы, и не было необходимости добиваться к ним еще один год. В это время правительство сосредоточилось на сирийском направлении, вместо того чтобы вести переговоры с палестинцами. Ошибка, которую нельзя повторять в будущем. Нет шансов добиться соглашения с Сирией, пока палестинский вопрос еще кровотоочит. Необходимо учитывать подозрительное отношение палестинцев к переговорам Израиля с Сирией. У определенной части палестинцев бытует миф о некоем «сирийско-израильско-американском заговоре», жертвами которого станут палестинцы, оставленные ими на обочине мирного процесса. Нужно понять, что причиной сосредоточенности на сирийском направлении было оправданное стремление правительства Израиля выйти из Ливана с помощью договора с Сирией, а не без него. Сирия же не хотела заключать с нами соглашения, потому что Барак допустил серьезную ошибку, пообещав израильскому обществу, что выведет из Ливана наши войска в течение года после своего избрания, до 7 июля 2000 года. Я пытался предостеречь Барака от этой ошибки, но тщетно. В дальнейшем мы подробно рассмотрим этот вопрос.

В основе своей подход Барака к переговорам был правильным. Он не хотел илти на значительные территориальные уступки Арафату до тех пор, пока не будет гарантирован договор об окончательном урегулировании и положен конец конфликту. Эта осторожность была оправданной.

Также не следует осуждать Барака за его амбиции, искреннее желание положить конец конфликту в первую очередь пребывания у власти. Как уже было сказано, было потеряно слишком много времени, многие граждане заплатили своей жизнью за этот конфликт, и если бы было встречное искреннее желание другой стороны «зак-

рывать сделку», это можно было бы сделать за короткий срок.

После того как израильскому и палестинскому лидерам было передано приглашение президента Клинтона прибыть на переговоры в Кемп-Дэвид, я встречался с Арафатом и вел с ним продолжительные беседы. Я был взволнован, потому что он едет туда, чтобы подписать договор об окончательном урегулировании. Так я и доложил главе правительства Барак. Выяснилось, что я ошибался. Арафат оказался не готов к историческому договору об окончательном урегулировании. В отличие от него, Эхуд Барак ехал в Кемп-Дэвид с опущенным эпихальности происходящего, с огромным желанием прийти к соглашению. Он далеко зашел в своих предложениях Арафату — практически до крайней черты. Его уступки позволили Клинтону вынести на рассмотрение сторон договор, некоторые из условий которого были крайне тяжелы для нас. Например, ограничение нашего военного присутствия в Иорданской долине, — риск для нашей национальной безопасности, на который нельзя пойти.

Но, подводя итоги переговорам в Кемп-Дэвиде, можно сказать, что Израиль сделал смелый и правильный шаг, который деклариовал и подтвердил нашу цель как народа, уверенного в своем существовании и готового платить высокую цену за мир. Никакой другой израильский глава правительства не предлагал в прошлом такого выгодного для палестинцев договора. И я не хотел бы, чтобы в будущем было более выгодное предложение, чем проект Барака в Кемп-Дэвиде.

Сейчас принято критиковать Барака за его поведение на переговорах с палестинцами. И эта критика во многом оправданна. Переговоры велись сбивчиво, с критическими потерями времени и иногда явно бездарно. Но

провал переговоров с наиболее «левым» из всех израильских правительств — это вина исключительно Ясира Арафата. Я не умею читать мысли. Я не знаю, что произошло у него в голове. Я не знаю, почему он настаивал на нашем полном уходе с Храмовой горы, почему он снова начал настаивать на «праве на возращение» после того, как самые приближенные к нему люди наемкнули мне, что будут «прагматичными и гибкими» в этом важнейшем для Израиля вопросе. Из ситуации, в которой разнища между позициями сторон была небольшой и позволявшей принимать совместные решения и формулировки, мы пришли к продолжительному противостоянию. Арафат не только ужесточил свои позиции на переговорах, он ответил на предложение правительства Барака атакой террора. Это привело в отчаяние большинство израильтян и отняло надежду на мир с палестинцами в обозримом будущем. Я убежден, что многие из бывшего окружения Арафата и сегодня полагают, что он должен был обими руками ухватиться за предложение Барака в Кемп-Дэвиде. Мне также известно, что на уровне полковых командиров есть и такие, кто угрожал нарушить те-рактами каждую уступку на переговорах. Существует мнение, что Арафат никогда не собирался отказываться от права на возращение палестинских беженцев, от желания обладать всей территорией исторической Палестины и безраздельно контролировать святые места в Иерусалиме. В соответствии с этим предположением даже на переговорах с Рабиным и Пересом, после заключения норвежских соглашений, он никогда не отказывался от этих требований. Насколько я понимаю, его позиции становились все более крайними, хотя, возможно, в прошлом можно было прийти с ним к договоренностям по «сложным проблемам»: Иерусалим, беженцы и постоянные границы. И все же вплоть до своей смерти он видел

себя как исторического мусульманского национального лидера, стремящегося к победе, а не к компромиссу. Он хотел войти в историю борцом, не обязательно чего-то достигшим. Поставка оружия — «катюши», минометы и ракеты, которые он получил бы от Ирана на борту судна «Карин-Эй», если бы наши силы быстро реагировали не обезвредили это судно, — стала серьезным и угрожающим нашей безопасности знаком оперативного обременения экстремистских сил не только среди палестинцев, но и в арабском мире.

Сейчас я хочу подробно рассмотреть то, что обязался раскрыть, когда только приступал к написанию книги — характеристику угрозы, которые скрывает в себе борьба с палестинцами за полосу земли, что между Иорданией и морем.

Первая угроза — так называемая «боснизация» конфликта. То есть скатывание к войне народов, державших друг друга за горло, без какой-либо возможности развединиться. Если противостояние дойдет до войны между общинами, между евреями, живущими на территории Иудеи и Самарии, и палестинцами, живущими там же, то проявление его будет ужасным, жестоким и уродливым, как в войне, которая велась в распадающейся Югославии. Война, подобная этой, если она начнется, увлечит ненависть между народами, которая и без того губока, повредит международному имиджу Израиля, что приведет к его изоляции и ускорит появление следующей, второй угрозы, — «интернационализации конфликта».

«Интернационализация» — принятое в настоящее время кодовое название непосредственного вмешательства иностранных вооруженных сил, чаще всего в рамках сил ООН или многонациональных сил других государств, для действий на территориях. Повод для такого

вмешательства — защита палестинцев на территориях перед лицом насилия со стороны вооруженных поселенцев или от чрезмерного применения силы израильской армией, если палестинские полицейские формирования не способны противостоять угрозе.

Акции возмездия поселенцев, действия бронетанковых или военно-воздушных сил Армии Обороны Израиля (ЦАХАЛ), которые приведут к жертвам среди большого числа гражданского населения, могут послужить прекрасным поводом для введения таких международных сил. Требование об отправке многонациональных сил для защиты жителей территорий поднималось уже не раз в Совете Безопасности ООН, но такое решение не было принято из-за американского вето. Сильный военный удар по палестинцам на территориях автономии создаст такую международную атмосферу, которая удержит США от использования своего права вето. Сработает так называемый «синдром Кана».

Поясно, о чем идет речь. В апреле 1996 года, после того как шипитская организация «Хизбалла» нанесла серию ударов «катюшами» из Южного Ливана по израильским поселениям Галилеи, израильская армия начала военную операцию под названием «Гроздь гнева». Это была в основном операция с применением артиллерии. Армия Обороны Израиля обстреляла не только убежища «Хизбаллы», но и села, в которых скрывались террористы. Идея операции заключалась в том, чтобы привести в Бейрут сотни тысяч беженцев из южно-ливанских деревень и тем самым заставить правительство Ливана потребовать от Сирии пресечь деятельность «Хизбаллы» на контролируемой ею территории. Несмотря на жесткий характер этой операции, Израиль не был осужден, а, наоборот, был воспринят с пониманием во всем мире. Главной правительства и министром обороны в то время был

Шимон Перес, лауреат Нобелевской премии мира. Правительство тогда было «левым», состоящим из партий «Авода» и «Мерц», и ни одно государство не сомневалось в его стремлении к миру. Залпы «катюш» по городу Кирьят-Шмона, приграничному поселению Шломи и другим израильским северным поселениям служили достаточным основанием для военной акции даже с точки зрения слишком «пекущихся о мире» в мировом сообществе. Когда операция уже была близка к завершению, боевики «Хизбаллы» установили местонахождение одного из израильских подразделений на территории Ливана и начали обстрел минометным огнем. Удары минометов становились с каждым разом все более точными, и израильские силы оказались бы под угрозой уничтожения, как только пристрелка была бы завершена. Командир подразделения ЦАХАЛ попросил помощь артиллерии и получил ее. Террористы установили миномет рядом с ограждением лагеря беженцев под покровительством ООН в деревне Кана, что к востоку от Тира. В лагере находились сотни беженцев из окрестных деревень. На картах армии не был отображен реальный масштаб лагеря ООН в деревне Кана, занимаемая им площадь в действительности была гораздо больше указанной в плане. Когда 155-миллиметровые снаряды израильской артиллерии взорвались недалеко от миномета террористов, некоторые из снарядов попали на территорию, находившуюся под контролем ООН, убив и ранив десятки невинных мирных жителей. Эта трагическая ошибка в корне изменила отношение всего остального мира к Израилю. Несколько дней мировые телевизионные сети не переставали транслировать ужасные кадры с места событий, и процесс порицания и осуждения, как говорилось в СМИ «Израиль-убийцы» не минул даже самых преданных друзей Израиля. Подвергнутую ранее «Хизбалгой» бомбардировке Гали-

лею уже никто не вспоминал. Почему боевики «Хизбаллы» установили свою огневую точку в непосредственной близости от несчастных беженцев, никого уже не интересовало, и имиджу Израиля был нанесен серьезный ущерб.

Повторение событий под названием «синдром Кана» на территориях Иудеи и Самарии — гарантированный репетт для наращивания давления мирового сообщества с целью международного вмешательства (интервенции) на эти территории. Опасность такого вмешательства очевидна и вредна, тем более что оно подменит собой прямые переговоры между воюющими сторонами. В отсутствие жизнеспособного соглашения, которое может появиться только в условиях упорных и напряженных переговоров между израильтянами и палестинцами, международные силы могут служить прикрытием для соглашений, которые будут навязаны нам другими странами. Навязанный договор не сможет удовлетворить стороны конфликта и, очевидно, усугубит положение Израиля. Международные силы не будут способны препятствовать продолжению палестинского террора, инициированного противниками соглашения с Израилем, потому что ни один договор, с их точки зрения, не будет хорош.

Израиль вполне способен «мировые организации сил» ООН остановить деятельность террористических организаций в Южном Ливане с тех пор, как туда прибыли силы UNIFIL в 1978 году. Международные наблюдатели в Хевроне, находящиеся там с 1998 года, не предотвратили до сих пор ни одного теракта в городе. Максимум, что они сделали, — это составили о них отчет.

«Боснизация» или «интернационализация» конфликта могут привести к политической изоляции Израиля. Если для завершения конфликта будет задействовано международное давление, то конфликт разрешится не в

нашу пользу. Иными словами, жизненно важным интересам Израиля в этом навязанном договоре будет нанесен ущерб. Поэтому нельзя допустить, чтобы договор между нами и палестинцами возник под давлением внешних факторов, необходимо, чтобы обе стороны пришли к взаимному соглашению.

Как должен действовать Израиль в данной ситуации? Как выжить перед лицом угрозы продолжения военного противостояния и дипломатического застоя, что стоит перед ним? Перечислю несколько исходных императивов.

Первый императив — правильное ведение войны с «подполным террором». А именно использование любой возможности для перехвата террористов и уничтожение глав террористических организаций. Точечные, «хирургические», операции, затрагивающие непосредственно виновных, тех, вывод которых из игры помешает их сообщникам сразу осуществить новые теракты. На открытых территориях и по длине автотрасс необходимо усилить оборонительную деятельность с помощью пехотных частей и спецподразделений. Грамотно вести военные действия — значит избежать применения грубой военной силы с широким радиусом действия и небольшой точностью поражения. Иными словами, танки и военновоздушные силы нужно задействовать только в особых случаях, тогда это единственный способ достижения необходимых результатов военной операции. Нужно избегать повреждения имущества, выкорчевывания деревьев, разрушения домов. Ущерб имиджу Израиля на международной арене почти всегда превышает пользу от подобных акций.

Необходимо относиться со всей строгостью к акциям возмездия и провокациям со стороны поселенцев. В подобных акциях есть не только угроза попрания власти закона и замена «партизанщиной» дей-

ствий ПАХАЛа, но и серьезный государственный ущерб, опасность «боснизации» и «интернационализации» конфликта.

Второй императив — готовность предъявить разработанную нами программу справедливого и долгосрочного урегулирования противостояния. Израиль должен поддерживать имидж государства, готового в любой момент к справедливому историческому компромиссу. На мой взгляд, у такого компромисса есть пять ограничений, или «запретных черт», которые нельзя пересекать:

Границы. Принцип определения окончательных границ должен быть основан на резолюциях Совета Безопасности ООН № 242 и № 338. Приграничные израильские поселения отойдут под суверенитет Израиля, а палестинцы получат в качестве компенсации другую территорию. Поселения в секторе Газа и на Западном берегу будут эвакуированы.

Безопасность. Палестинское государство будет демилитаризовано под эффективным контролем. Израиль будет осуществлять контроль над его воздушным пространством и обладать военным присутствием в Иорданской долине. Присоединение к Израилю поселений в Иудее и Самарии, в которых проживает большое количество граждан Израиля и которые можно присоединить к территории Израиля, не прерывая их целостности (около 5% от территорий Западного берега).

Иерусалим. Иерусалим, включая еврейские кварталы в западной части города и прилегающие к городу еврейские поселения, был и будет столицей Израиля и в качестве таковой будет признан во всем мире. Арабские кварталы Иерусалима будут находиться под палестинским суверенитетом. Особый статус будет у Старого города, который будет управляться международным советом в составе представителей трех религий.

Беженцы. Решение проблемы беженцев будет достигнуто посредством плана регионально-экономического развития в расчете на привлечение палестинских беженцев, проживающих в этих странах. Исключено возвращение палестинских беженцев в пределы государства Израиль, но у них будет право вернуться в Палестину.

Мирный план, основанный на этих принципах, был представлен мной на национальной конференции израильской партии «Авода» и был одобрен большинством в составе 4000 делегатов. Я верю, что, когда эти принципы будут приняты палестинским руководством, сам план получит поддержку большинства израильтян.

Эти ограничения не входят в противоречие ни с одним компонентом палестинской государственности и поэтому являются основой для честного компромисса. События второй интифады только подтверждают справедливость наших требований в сфере безопасности.

Третий императив — демонстрация постоянной готовности к экономическому сотрудничеству с палестинцами и Палестинской автономией. У палестинского общества нет никаких шансов экономически развиваться без сотрудничества с Израилем. До интифады национальный валовой продукт на душу населения на территории автономии составлял около 1600 долларов, это десятая часть от НВП в Израиле. По прошествии года интифады он снизился ниже 1000 долларов. Если палестинцы будут экономически опираться на Египет или Иорданию, они не смогут улучшить свой НВП. Только при наличии экономической интеграции между палестинской автономией и Израилем, включая открытый рынок труда, израильская экономика сможет помочь восстановлению палестинской. Нужно помнить, что для Израиля это также представляет очевидный интерес. До интифады израиль-

ский экспорт в палестинскую автономию составлял около двух миллиардов долларов в год.

Сохранение такой экономической возможности для палестинцев — первый стимул в процессе прекращения насилия и возможности изменения направления развития в сторону сотрудничества и мира. Если палестинцы проявят здравый смысл, чтобы воспользоваться огромным потенциалом, заключенным в сотрудничестве с Израилем, то это благо для них. Если же откажутся, Израиль, по крайней мере, заручится международной поддержкой за свой конструктивный подход.

Четвертый императив — прекращение расширения еврейских поселений за «зеленой чертой». Я не имею в виду «высунуть» поселения или лишить их жителей привилегий, предоставляемых государством своим гражданам. Смысл в том, чтобы прекратить разрушительный демографический процесс смещения населения. Смещение населения в Газе и на Западном берегу лишь усугубляет конфликт. Рост поселений привел к тому, что отделение от палестинцев стало тяжелым, если вообще когда-либо выполнимым. Это явление наиболее противоречившее идеологии примирения. Нужно зафиксировать нынешние границы поселений и не расширять их больше. Продолжение строительства в поселениях должно касаться только новых школ, детских садов и общественных учреждений — в соответствии с ростом населения.

Осуществление этих четырех императивов способно снизить уровень опасности для граждан Израиля и для государства в целом.

Я далек от мысли о возможном одностороннем отделении израильтян от палестинцев без договора. Это иллюзия, за которую цепляются, когда ситуация тяжела и решения не видно. При нынешнем расположении 140 израильских поселений на Западном берегу нет никакой

возможности полного разделения. Реально присоединить к Израилю такие районы поселений, как Гуш-Эцион или Ариэль возможно, но невозможно это сделать относительно десятков других поселений, таких как Ицхар, Агон-Морэ, Браха и подобные им, рассеянных по горному хребту среди многочисленного палестинского населения. Только правительство, способное политически отказать от существования таких поселений, расселить их жителей в районах, которые будут присоединены к Израилю, может говорить о реальных перспективах решения конфликта. На момент написания этой книги в Израиле нет такого правительства. Но даже если такое правительство возникнет, решение присоединить то, что возможно присоединить, и расформировать то, что нельзя, без предварительного подписанного постоянного договора, не будет решением, которое принесет спад напряженности и безопасность. «Одностороннее отделение» без договора — это фактическое присоединение около 30 процентов Западного берега и оставление по крайней мере пятидесяти тысяч поселенцев по другую сторону раздельных ограждений. Факт присоединения будет воспринят в мире недружелюбно, изоляция государства усилится, а террор, особенно в районах поселений, не только не прекратится, но даже усилится, поскольку у него будет больше международной легитимации и больше мотивации расстроить этот односторонний израильский шаг.

Пример тому — сектор Газа. Мы отделили Газу от Израиля, применив усовершенствованную систему заграждений с дополнительными средствами разделения. После ее возведения прекратились кражи в израильских поселениях в этом районе, но, несмотря на это, Израиль вел военные действия в Газе силами не менее дивизии. Что для нашей страны немалые силы и немалые средства.

Обеспечение безопасности нескольких тысяч еврейских поселенцев, живших в анклаве Гush-Катиф и других поселениях сектора Газа, обязывало нас воевать. Иными словами, нет «одностороннего отселения» без сворачивания поселений. Именно поэтому правительству Шалона приняло решение о размежевании и эвакуации поселений из Газы.

Когда эта книга выйдет в свет, в Газе уже не останется ни одного израильца. Модель одностороннего размежевания, согласно которой Израиль эвакуировал свои поселения из сектора Газа без каких-либо ответных ответных шагов со стороны Палестинской автономии, не применима на Западном берегу. Из сектора Газа можно было выйти без заключения предварительных соглашений только в силу его географических и демографических особенностей:

В то время как площадь сектора Газа составляет примерно 1,2 процента территории мандаторной Эрец Исраэль (речь идет о разделе, принятом Лигой Наций в подмандатной Палестине еще до образования государства Израиль. — *Прим. перев.*), в нем проживает около миллиона трехсот тысяч палестинцев — около трети всех палестинцев так называемых «контролируемых территорий». Иными словами, Газа — один из наиболее густо заселенных районов в мире. Количество же поселенцев, проживавших в секторе Газа, составляло всего около 7000 человек, причем все поселения были защищены специальными войсками. Эти условия сделали возможной эвакуацию, прошедшую в сравнительно короткие сроки, без заключения соглашений с палестинской стороной.

На Западном берегу демографические и географические условия существенно отличаются. Именно поэтому нам необходимо возобновление переговоров с палестин-

цами после окончания процесса одностороннего размежевания из Газы, — во избежание начала третьей интифады. Застой на переговорах приведет к отчаянию на палестинской стороне, усилению влияния религиозных экстремистов и, соответственно, возобновлению террора и насилия.

На момент написания этой книги нет переговоров о постоянном урегулировании, и опасность ухудшения ситуации, о которой я предостерегаю, витает в воздухе. Дото как книга увидит свет, многое может произойти. Принципы, которые я предложил для разумного военного и государственного постоянного урегулирования, остаются в силе, на мой взгляд, в любом случае. Нельзя терять надежду на урегулирование. Всегда следует помнить исторический контекст противостояния.

Начиная с Шестидневной войны 1967 года и до ливанской кампании 1982 года мы прошли период подпольного ведения военных действий и палестинского террора в Израиле, на контролируемых территориях и за пределами страны. Вслед за этим пришел период налаживания двусторонних контактов, который продолжался с 1983 по 1987 год. Пиком этих попыток прийти к диалогу и выработать решение конфликта было достигнутое в Лондоне соглашение между Шимоном Пересом и иорданским королем Хусейном в апреле 1987 года. Согласно этому соглашению, иорданский король брал на себя ответственность за палестинских жителей территорий. Политическая неспособность реализовать эти договоренности привела к новому витку насилия: первая интифада вспыхнула в декабре того же года. После пяти тяжелых лет интифады, жертвами которой стали сотни людей, в 1992 году начался новый период переговоров. В 1993 году произошел прорыв, воплотившийся в норвежских соглашениях, но в июле 2000 года провалился перегово-

ров в Кемп-Дэвиде положил конец периоду диалога, который был плодотворным на некоторых этапах и на который прежде возлагались надежды.

В сентябре 2000 года началась вторая интифада. Начался еще один период жестокого противостояния. Но и он в конце концов закончился, и за ним снова придет период политического диалога. Таков путь этнических конфликтов: идти попеременно то за столом переговоров, то на поле боя. Так случится и у нас.

Нужно помнить, что мы живем на Ближнем Востоке, а потому нам следует стремиться к тому, чтобы следующий этап переговоров стал последним, дабы за ним не последовал новый виток насилия и кровопролития.

Приход к власти прагматичного палестинского руководства после смерти Арафата и изменение международного климата в отношении Израиля после завершения размежевания с Газой вселяют надежду и позволяют с оптимизмом смотреть в будущее.

Глава 3

ЕГИПЕТ — ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРОТИВНИК ИЛИ СОЮЗНИК?

Ни одно событие не оказало столь значительного влияния на стратегию Израиля, как мирный договор с Египтом. Этот договор прорвал кольцо экономической и политической блокады Израиля со стороны арабских стран. Причем прорыв произошел на наиболее сильном направлении. Тот, кто был самым мощным и активным врагом, — стал если не союзником, то партнером. Это событие открыло новую главу в присутствии государства Израиль на Ближнем Востоке. Каким бы холодным ни был этот мир, сам факт его заключения после череды войн позволил нам обрести надежду на то, что в один прекрасный день мы сможем мирно сосуществовать и с другими соседями по региону. Невзирая на подъемы и падения в наших отношениях (к сожалению, главным образом падения), мир с Египтом — важное завоевание.

Хосни Мубарак, насколько известно, никогда не сожалел о заключении мирного договора с вчерашним противником. Напротив, президент Египта стремится играть активную и конструктивную роль в ближневосточной политике, прилагает усилия, направленные на поддержание мирного процесса между Израилем и палестинцами и ослабление напряженности на наших северных границах.

Однако ответственное поведение Мубарака не расселило гуч на небосклоне межгосударственных отношений соседней. Отношение к Израилю политического истеблишмента Египта, его СМИ и интеллигенции порой крайне враждебно.

Наиболее грубо и уродливо эта враждебность проявляется в злобных, отличающихся ненавистью ко всему еврейскому карикатурах, мелькающих в египетской прессе, подобно тем, что появились в немецкой прессе 30-х годов прошлого столетия. На этих карикатурах израильтане изображены длинноносыми, с хищным плотоядным взглядом и руками, обгагреными кровью.

Наиболее ошутимое и опасное выражение враждебности Египта находит в неустанной дипломатической войне, направленной против «ядерной мощи», приписываемой Израилю. В течение многих лет министерство иностранных дел Египта проводит кампанию, направленно против атомных программ Израиля, а с недавних пор эту кампанию возглавил лично Амр Мусса, в прошлом министр иностранных дел в правительстве Мубарака, а ныне Генеральный секретарь Лиги арабских стран.

Египтяне использовали любой международный форум для нападок на Израиль в связи с якобы имеющимися у него ядерным оружием. Непосредственной целью Египта является организация международной инспекции с целью проверки Израиля на предмет наличия в его арсеналах оружия массового поражения. Стратегическая же цель заключается в лишении Израиля того, что они считают «ядерным потенциалом». В карикатурах, коими изобилует египетская пресса, равно как и в одержимости, с которой Египет разоблачает наличие ядерной программы Израиля, явно читается эмоциональный и политический потенциал враждебности к Израилю. Необходимо уяснить, на чем основана эта враждебность.

Первое — это отказ части египетской интеллигенции и элиты — профессоров, интеллигенции, писателей и вообще тех, кто формирует общественное мнение, — принять официальное признание правительства Египта законности существования Израиля. Многие из них полагают, что факт признания Израиля подрывает устои морального кодекса арабской солидарности, в которую они верили многие годы. Срыв соглашений между Израилем и палестинцами лишь укрепили их веру в праведность идеи о невозможности сосуществования с Израилем. Но даже в период благополучного продвижения мирного процесса между Израилем и палестинцами они цеплялись за каждую нерешенную проблему для подведения теоретической базы под свои устаревшие концепции.

Второе — это миф об «израильском господстве». Страх перед «израильской экспансией» укоренился даже в среде видных представителей египетского истеблишмента, знакомых с нашей страной не понаслышке. Страх этот глубинный, едва ли не мистический. Так, стремление Израиля к развитию экономического сотрудничества в регионе они называют «экономическим неоколониализмом». Бытность министром здравоохранения в правительстве Рабина я побывал с визитом в Каире. Я поинтересовался у одного из собеседников, почему покупка египетской больницей оборудования с диагностической визуализацией производства фирм «Сименс» и «Дженерал Электрик» не является проявлением колониализма, в то время как приобретение прибора «Элскинт», произведенного в Израиле, таковым является. Ответа не последовало.

В Израиле валовой внутренний продукт на душу населения составляет 17000 долларов США, в то время как в Египте он равен 1400 долларам. Но египтяне не рассматривают возможность экономического сотрудничества с Израилем как благо, как совместную деятельность, ко-

торая могла бы способствовать улучшению состояния египетской экономики. Они скорее видят в нем опасность. Однажды мне довелось выступить перед представителями государственной политической элиты Египта — послами, генералами и интеллектуалами, занимавшими ключевые посты в правительствах Насера и Садата. «Население всего Израиля, — заметил я, — равно по численности населению одного района Каира. В таком случае какого господства вы опасаетесь?». Ответа не последовало и на этот раз.

Тем не менее под этими двумя пластами враждебности со стороны Египта, эмоциональными по сути, кроется третий, глубинный пласт. Он связан не с отношением египтян к Израилю, а скорее с их отношением к себе. Гражданское восприятие египтянами собственной страны основывается на чувстве гордости в отношении к национальным традициям и историческому влиянию Египта в арабском мире. Они отзываются о своей родине как о «сердце арабской нации». И правда, Египет как крупнейшее и наиболее влиятельное из арабских государств возглавил борьбу арабского мира против Израиля. За двадцатипятилетний отрезок времени Египет участвовал в пяти войнах против Израиля. По мнению египтян, именно их доблесть, проявленная в ходе войны Судного дня, позволила им отвоевать каждую пядь Синайского полуострова. Египет также стал во главе мирного процесса на Ближнем Востоке, за что ему пришлось заплатить высокую цену в виде затяжной изоляции и потери статуса в арабском мире.

Когда регион оказывается на перекрестке путей, один из которых ведет к вооруженному конфликту, а другой к экономическому росту и сотрудничеству, возникает вопрос: какое место в этом геополитическом контексте принадлежит Египту?

Египет оказал решающее влияние на ситуацию на Ближнем Востоке, охваченном арабо-израильским конфликтом. Сказались его военная мощь, масштабы, готовность нести большие потери и жертвовать благополучием народа во имя арабской идеи.

И по сей день Египет вынужден решать многие экономические проблемы. Возникает вопрос: что случится, если ситуация в регионе изменится таким образом, что арабо-израильский конфликт перестанет играть в нем определяющую роль? Что, если водораздел в регионе пройдет не между Израилем и арабским миром, а между государствами, проводящими умеренную политику, и государствами, чья политика безумна и преступна? Какую роль будет играть Египет на этом изменившемся Ближнем Востоке?

Здесь скрывается глубокий страх египтян: а вдруг экономически сильный Израиль обретет решающее политическое влияние в регионе за счет Египта? Могу сказать по собственному опыту, что убедить египетских политических деятелей и интеллигенцию в отсутствии у Израиля намерений отобрать у Египта статус регионального лидера в арабском мире — задача не из легких.

Степень враждебности к Израилю со стороны египетских СМИ и общественного мнения вызывает озабоченность. Вызывает озабоченность и рост военного потенциала Египта. Со времен подписания мирных соглашений с Израилем Египет получает 1,3 миллиарда долларов в качестве ежегодной военной помощи от США. Благодаря этой помощи в течение более чем двух десятилетий Египту удалось добиться значительной военной мощи, главным образом на базе американского оружия и военных систем. При этом наблюдается не только количественный рост вооружения, но и качественный.

В последние годы США разрешили своим военным производителям экспортировать в арабские страны и в

Египет в частности видел вооружений и военных технологий, прежде не разрешенных к экспорту в эти страны. Сюда входят ракеты «АМРАМ» класса «воздух-воздух» и усовершенствованные модели ракет класса «земля-земля».

Приведу всего лишь три примера усиления египетской армии:

- наземное оружие — 750 танков М-1А-1;
- воздушное оружие — более 200 боевых самолетов усовершенствованной модели F-16;
- морское оружие — около 20 ракетных катеров, оснащенных современными ракетами марки «Harpoon».

Египет превратился в сильнейшую и современнейшую военную державу в арабском мире. Но, кажется, американской помощи оказалось недостаточно, в свете обнародованного несколько лет назад египетско-северокорейского договора о приобретении 24 ракет «Nodong» дальнего радиуса действия (1000—1300 км), т.е. баллистических. Если сопоставить эмоциональный аспект враждебности к Израилю со столь впечатляющим военным потенциалом, возникают все основания для беспокойства. Тем более на фоне того, что высшие эшелоны армейского истеблишмента Египта продолжают выдвигать в Израиле «reference threat», «основную угрозу», — эвфемизм, призванный замаскировать «потенциальный противника».

Представляет ли Египет в настоящее время угрозу для Израиля? Безусловно, нет. Приверженность президента Мубарака мирным соглашениям и его деятельность, направленная на поддержание мирного процесса и достижение стабильности в регионе, полностью исключают такую возможность. Тем не менее из того, что мы живем в ненадежном, нестабильном и непредсказуемом регио-

не, следует, что наращивание Египтом военного потенциала представляет некоторую угрозу для Израиля. Угроза возрастет в том случае, если политика Египта изменится к худшему, если проповедники ненависти к Израилю займут ключевые посты в правительстве Египта. Угроза пойдет на спад, если большее количество представителей египетской элиты и влиятельных кругов осознают, что стратегическое сотрудничество с Израилем лежит в сфере национальных интересов Египта.

За последние годы Египет не единожды явился объектом террористических нападений со стороны вооруженных исламистских группировок. Терроризм ударил по египетской экономике, нанеся ей многомиллиардный ущерб, главным образом в сфере туризма. Терракты в курортных местах на Синае унесли жизни сотен граждан разных стран мира. Да и сам президент Мубарак чудом избежал смерти от покушения террористов. Сегодня египтяне понимают, что реальная опасность для режима исходит от исламского фундаментализма, управляемого из Тегерана, а не от Израиля. Однако осознание угрозы еще не привело к пониманию того, что на данном этапе линия фронта на Ближнем Востоке проходит между государствами, проводящими политику безумия, и государствами, политика которых основывается на реалиях современности. В этом противостоянии Египет и Израиль неизбежно выявляются союзниками, находясь сегодня по одну сторону линии фронта.

И противостояние или борьба за господство в регионе между Египтом и Израилем ни в коей мере не отвечают коренным интересам наших народов и стран. Напротив, ситуация располагает к сотрудничеству и взаимному дополнению.

На сегодняшний день положение правительства Мубарака прочно и стабильно. Однако следует помнить и

учитывать, что изменение политического режима Египта может обернуться трагедией для региона и катастрофой для всего мира.

Если рассматривать сценарий, по которому крупнейшее арабское государство с мощной современной военной машиной оказывается во власти радикально-религиозного режима, то такое развитие событий приведет к разрушению политического баланса.

При этом случае на долю вооруженных сил Израиля выпадет тяжелая миссия активного противостояния с сильным противником. Следовательно, каким бы ни было руководство Израиля, ему следует прилагать все усилия к тому, чтобы убедить руководство Египта, деловые круги и создателей общественного мнения (чье отношение к Израилю, как мы уже говорили, исключительно враждебно) в том, что у Египта и Израиля приоритетны общие стратегические интересы. Стратегическая мощь Израиля, по сути, направлена на сдерживание государств, представляющих угрозу и для Египта.

Поэтому попытки политиков и деятелей типа Амра Муссы выбить почву из-под инициатив Израиля лишены всякого смысла для Египта и, по сути дела, представляют собой сизифов труд, выполняемый к тому же с явно реакционной целью.

В начале 2000 года я встретился с послом Египта в США Набилем Фахми в доме у нашего общего друга в пригороде Вашингтона. Я специально попросил о встрече с ним, восходящей звездой египетской дипломатии, поскольку знал, что он является одним из вдохновителей усилий Египта, направленных на то, чтобы принудить Израиль присоединиться к договору о нераспространении ядерного оружия. А в случае вероятного отказа — обвинить его в агрессивных намерениях. Я провел в его обществе два часа. Я призывал его сломать существо-

вавшие в сознании египтян стереотипы таким образом, чтобы египтяне вместо стратегической угрозы смогли увидеть в Израиле стратегического союзника, но он меня не слышал. Более того, Фахми истолковал мою откровенность как «израильскую наглость». Я пытался пробить стену в ее самом укрепленном участке и потерпел сокрушительное поражение. Я упомянул собственную безуспешную попытку лишь для того, чтобы подчеркнуть, что мы не должны сдаваться в стремлении изменить отношение политического истеблишмента Египта и, по крайней мере, ослабить их страхи перед нашим минимым намерением господства, экспансии или поправки интересов их державы. Возможно, нам стоит больше иметь дело с деловыми кругами Египта, которые прекрасно понимают, какое благо может принести сотрудничество с деловым миром Израиля как источником инвестирования и партнерства в крупных бизнес-проектах, и это позволит сломать стену отчуждения.

В заключение этого краткого очерка хочу подчеркнуть еще раз: первоочередной задачей для любого руководства Израиля является необходимость превращения Египта из государства, представляющего потенциальную угрозу, в надежного союзника. В то же время это не означает сокращение или прекращение развития нашего военного потенциала, так как нельзя исключить и другого сценария развития событий. Таков ответственный государственный подход к этой проблеме.

Глава 4

ИОРДАНИЯ — НЕОБХОДИМЫЙ ПАРТНЕР

В августе 1998 года вместе с Эхудом Бараком, Йоси Бейлиным и Шломо Бен-Ами я совершил поездку в Вашингтон в составе делегации, представлявшей руководство партии «Авода». В те времена Барак возглавлял оппозицию, а за год до этого мы с Бейлиным и Бен-Ами были его конкурентами на внутрипартийных праймериз. Визит в США включал встречи с госсекретарем Мадлен Олбрайт и с лидерами Конгресса и Сената (это мероприятие было организовано еврейской общиной Вашингтона в поддержку израильского «лагеря мира»), а также с представителями американской прессы.

Незадолго до отъезда моя помощница Брурият Наим-Арман предложила во время пребывания в США встретиться с королем Хусейном, который в то время проходил курс лечения от онкологического заболевания в клинике «Майо» в Рочестере, штат Миннесота. Мои коллеги с энтузиазмом подхватили эту идею. Наш щедрый друг Дэн Эбрахам одолжил нам частный самолет, и вечером 3 августа мы приземлились в маленьком аэропорту Рочестера.

Автомобили секретной службы США доставили нас к зданию, где король находился на лечении. Хусейн настолько исхудал, что скулы его заметно выдавались. Из-

за химиотерапии он лишился волос, но глаза его излучали прежний блеск. Он был весьма заинтересован в продвижении мирного процесса, невзирая на то, что как члены оппозиции мы едва ли могли сказать ему что-либо принципиально новое.

В ходе беседы он спросил: «Сможем ли мы вернуться к 3 ноября?». Сначала мы не поняли, что он имеет в виду, и тогда он пояснил: «Сможем ли мы сотрудничать и иметь такие же тесные отношения, как и во времена Ицхака Рабина?».

Вспомнив Рабина, король расстрогался. Его глаза, исполненные печалью прощания, освещенные последними лучами солнца, пробивающегося сквозь окна больницы палаты, увлажнились. Наконец, когда мы собрались уходить, король пришел в себя. Он сказал, что в скором времени обретет силу. Он надеется вернуться в наш регион и еще, возможно, отправиться туда, где его присутствие может послужить делу мира, даже не дожидаясь полного выздоровления.

Больше мы его никогда не видели.

Я храню память об этой встрече не только потому, что она была необычной и трогательной. Я говорю об этом потому, что она демонстрирует абсолютную, личностную приверженность Хусейна делу мира, которая была завешана и его сыну Абдалле, и — по большому счету — всей династии Хашемитов. Источник этой приверженности не только в мудрости короля Хусейна. В ней отразилась глубинная сущность всей королевской династии Хашемитов.

Взглянув на карту, можно оценить трудности географического положения Иордании. Она окружена четырьмя государствами: Саудовской Аравией, Ираком, Сирией и Израилем. У нее есть единственный крошечный выход к морю — порт Акаба на Красном море. Ее территория

Большая, но население невелико, а количество природных ресурсов незначительно. Из-за ненадежности, вытекающей из ее географического положения, она вынуждена полагаться на одного из своих непосредственных соседей: Сирию, Ирак или Израиль. Граничащая с ней Саудовская Аравия не может служить ей поддержкой. По ряду причин Иордания отдает предпочтение Израилю. Это предпочтение историческое, и оно объясняет, почему король Хусейн в течение трех десятилетий поддерживал особые отношения с Израилем.

Население Иордании этнически неоднородно. Большинство его составляют палестинцы — потомки беженцев, покинувших Западный берег реки Иордан в 1948 и 1967 годах. Королю Хусейну за время его правления удалось преобразовать облик страны таким образом, что там нашлось место и коренному — бедуйнскому — населению, и палестинцам. Обе группы представлены как в политическом, так и в экономическом истеблишменте. Это единство воплотилось и в брачном союзе короля Иордании Абдаллы II, представителя династии Хашемитов, и королевы Рании, палестинки из Туль-Карема (Западный берег). Два иорданских берега повязаны теснейшими семейными и коммерческими узами, и этот факт сам по себе является важнейшей политической предпосылкой. Незгоды, переживаемые палестинцами на территориях, особенно на Западном берегу, моментально сказываются на настроениях палестинцев Восточного берега. Иными словами, любое обострение конфликта с Израилем создает напряженность на иорданской улипе.

В лучшие времена, а точнее, когда казалось, что палестино-израильский конфликт движется к развязке, население Иордании не испытывало враждебности по отношению к Израилю, и израильские туристы могли без опасений посещать эту страну. Мы с женой спокойно

прогуливались по улицам Аммана и прочих иорданских городов без сопровождения телохранителей и остались целыми и невредимыми, несмотря на то что некоторые из посетителей кафе, в которых мы обедали, узнавали во мне заместителя министра обороны Израиля. Но так продолжалось всего три месяца — пока не разразилась вторая интифада.

Сейчас все иначе. Правительство Иордании стоит перед дилеммой: с одной стороны, добрососедские отношения с Израилем являются для этой страны экономической и стратегической необходимостью. С другой стороны, откровенно дружественная политика в отношении Израиля повлечет за собой проявления недовольства со стороны населения к династии Хашемитов, вплоть до возможности погромов и насилия. Режим Хашемитов, которые придерживаются умеренной политической линии и поддерживают хорошие отношения с США, не дает покоя радикалам арабского мира. Многие из них с нетерпением ждут падения Иорданской монархии и превращения Иордании в новое государство, жегательно, исламистское, которое будет проводить радикальную фундаменталистскую политику под влиянием Ирана.

Смена режима правления в Иордании может обернуться для Израиля стратегическим кошмаром. И вероятность этой смены превращает зону, в которой мы живем, в потенциально опасную. Радикальный исламский режим в Иордании представляет опасность для Израиля по нескольким причинам.

Первая причина — это та, что его возникновение создаст прецедент территориальной непрерывности реакционных исламских государств, от реки Иордан и до Ирано-Афганской границы.

Вторая причина — Иордания станет идеологической и оперативной базой для террористических банд, дей-

ствующих на контролируемых территориях Иудеи и Самарии и в Израиле.

Третья причина — Иордания откроет границы армиям враждебных Израилю государств и позволит использовать свою территорию как плацдарм для экспансии в отношении нашего государства или, по крайней мере, для артиллерийских атак. Такой прецедент уже имел место в 1968—1970 годах на наших восточных границах.

Четвертая причина — Сирия получит возможность воссоздать «восточный фронт», который протянется от Рош ха-Никра на средиземноморской границе Израиля с Ливаном до Акабы на Красном море, тем самым облегчив для Сирии противостояние с Израилем на Голанских высотах. К счастью, Ирак здесь больше не может быть партнером Сирии для создания подобной коалиции.

Необходимо прилагать все политические и военные усилия для предотвращения такого развития событий. Когда Сирия собиралась напасть на Иорданию в 1970 году, Израиль сосредоточил свои силы к востоку от долины Бейт Шеан, тем самым дав понять, что при условии этого нападения он применит военную силу. Этот принцип не потерял актуальности и по сей день. Как подказывает опыт за минувший 31 год, Израиль должен любой ценой препятствовать вторжению иностранных армий в Иорданию.

До тех пор пока продолжается вооруженное столкновение палестинцев и Армии Обороны Израиля, Израиль не может ожидать потепления в отношениях с Иорданией. Тем не менее их необходимо поддерживать, используя экономические рычаги для их укрепления. Мы должны помнить, что даже до начала второй интифады многие иорданцы выражали сожаление по поводу установления мира с Израилем, потому что для них экономическая выгода от этих отношений была незначительной.

«*Shu istifadna?*» — «Что мы приобрели благодаря этому миру?», — любопытно звучит мнение иорданец, который и признание Иорданией Израиля принял с трудом. Разумеется, одним из разочарований, связанных с мирным процессом, явилось то, что он не способствовал поднятию экономики Иордании. И дело здесь не только в Израиле, хотя мы могли бы сделать и больше того, что сделали до сих пор, поскольку укрепление экономики Иордании способствует стабильности в регионе.

Совместные проекты в сфере транспорта, туризма, промышленности и энергетики могут способствовать достижению желаемого. Не следует пренебрегать и скромными инициативами. В качестве министра транспорта я рассмотрел жалобу влиятельного иорданского министра, связанную с тем, что иорданский цемент не поступал на рынки Западного берега. Выяснилось, что грузовики, идущие из Иордании, выгружали цемент, не доезжая полутора километра до места назначения, прямо в депо, расположенном на территории между рекой Иордан и Иерихоном, находящейся под контролем Израиля. Чиновники ведомства по регистрации и учету автотомобильного транспорта проверяли иорданские грузовики в соответствии с правилами, предусмотренными в Израиле, и лишь грузовикам, состоящие которых строго соответствовали израильским стандартам безопасности, дозволилось въезжать в депо. Это не было проявлением дискриминации в отношении иорданских грузовиков — в конце концов, эти грузовики проезжают по территории Израиля, и если их рабочее состояние вызывает опасения, они могут явиться причиной дорожной аварии. Тем не менее факт остается фактом — иорданские грузовики после прохождения израильского досмотра так и не попадали на рынки сбыта на Западном берегу.

Я отдал распоряжение немедленно упразднить эту проверку. Этот риск мне показался оправданным: вероятность аварии на участке с неинтенсивным движением протяженностью в 1500 метров, преодолеваемом иорданскими грузовиками, была чрезвычайно низкой. С тех пор никаких аварий не произошло. Это простой пример того, как не в меру ревнивая бюрократия может нанести ущерб интересам страны.

Нам нужно изыскивать все возможности для создания совместных проектов с представителями делового мира Иордании, и задача правительства состоит в поощрении таких проектов и содействии им. Экономическое сотрудничество — простейший путь к упрочению отношений с Иорданией и оправданию их в глазах иорданского народа. О региональных стратегических аспектах наших отношений с Иорданией я буду говорить в одной из следующих глав.

Глава 5

СИРИЯ — МИР ИЛИ СПОСОБНОСТЬ К ВОЕННОМУ СДЕРЖИВАНИЮ?

Сирия — это страна, которой в политкорректном мировом сообществе принято оказывать особое почтение. Ни одному высокопоставленному государственному деятелю, посещающему Ближний Восток, не придет в голову проинформировать Дамаск. Сирия играет активную роль в региональной политике. И даже друзья настоятельно советуют нам не настаивать на «мелочах» — таких, как Голанские высоты или водные запасы озера Кинерет — ради достижения мира. Они говорят, что настало время договориться с нашим северным врагом. Не так давно Сирия была избрана в Совет Безопасности ООН абсолютным большинством.

И все же, что же это за государство — Сирия? В нем нет свободной прессы. Результаты выборов заведомо определены верхним эшелоном власти, и президент со своей партией получают более 99% голосов. В стране семнадцатимиллионным населением лишь 8000 человек пользуются Интернетом, который также контролируется правительством: например, жители Сирии невозможно зайти на израильские или еврейские новостные сайты. В Сирии нет кредитных карточек и чековых книжек, поскольку в ней отсутствуют банковские услуги.

Сирия находится в состоянии экономического краха. Годовой внутренний продукт на душу населения составляет 1000 долларов.

Страна также пребывает на задворках культурного развития, модернизации, открытости для окружающего мира, и главное — демократии.

Тем не менее военный потенциал Сирии, в развитие которого она вкладывает все свои силы, далеко не ничтожен. Согласно данным Института стратегических исследований имени Яффе, Сирия располагает примерно 500 боевыми самолетами, около 300 единицами артиллерийского оружия и 3700 танками. В распоряжении Сирии также имеется склад баллистических ракет SCUD «С» и SCUD «Д». В ее распоряжении сотни подобных ракет, которые она производит на своей территории, на базе технологий, купленных у Северной Кореи. Некоторые из сирийских баллистических ракет могут быть оснащены химическими боеголовками, включая и нервно-паралитический газ VX.

Не многое изменилось в этой стране с уходом из жизни Хафеза Асада, многие годы занимавшего пост президента, и приходом к власти его сына Башара. Невзирая на предсказания многих аналитиков, согласно которым Асад-младший, офтальмолог, получивший образование в Великобритании, повернет Сирию лицом к Западу, последний не инициировал никаких экономических, социальных или демократических реформ. Скорее всего, он понял, что такого рода преобразования приведут его к конфликту с правящей алавитской элитой. Власть находится в его руках, однако ему все время приходится доказывать, что он соответствует занимаемой должности. Таким образом, Асад-младший избрал путь преемственности политики. Под его властью Сирия не претерпевает изменений. В определенном смысле Сирию можно

назвать ближневосточной Северной Кореей: это авторитарное, социально и экономически отсталое государство, вооруженное до зубов, в том числе ракетами дальнего радиуса действия. После войны в Ираке соседями Сирии стали не только союзники США — Израиль и Иордания — но и сами США в лице контингента войск в Ираке, расположенном к востоку от этой страны. Тем самым Сирия лишилась стратегического преимущества соседства с Ираном, ранее своим стратегическим союзником. В новых условиях поведение Сирии приобрело более разумный характер. До тех пор, пока американские войска присутствуют в Ираке, Сирия будет стараться не раздражать Вашингтон. Но основные принципы политики Сирии остаются неизменными: пренебрежение палестинско-израильским мирным процессом, использование «Хизбаллы» и других террористических организаций в целях его подрыва, а также наращивание военного потенциала на случай вооруженной конфронтации с Израилем в будущем. Невзирая на военную мощь и склад ракет с химическими боеголовками, Сирия не представляет реальной угрозы Израилю. Стоит ей затеять войну против Израйля в одиночку, и она потерпит сокрушительное поражение. Тем не менее Сирия способна нанести Израйлю значительный ущерб, особенно среди гражданского населения. Опасность, которую представляет Сирия, кроется не в ее военном потенциале, а скорее в двух других факторах: в ее способности быть центральным звеном в антиизраильской коалиции и использовании ею террористических организаций против Израйля.

Государственной целью Сирии начиная с 1967 года является обретение отвоеванных Израйлем Голанских высот. К концу жизни Асад-старший понял, что достичь этой цели предпочтительнее путем переговоров, а не военных действий. Когда у него появилась такая возмож-

ность в январе 2000 года, он отказался его воспользоваться, отвергнув широкий жест Эхуда Барака и бескомпромиссно завязнув в собственных условиях переговоров.

Мы еще поговорим о возможности мира с Сирией в конце этой главы. А для начала давайте посмотрим, какие меры принимает Сирия во имя достижения своей цели — возвращения Голанских высот.

Во-первых, она продолжает идти по «военному пути», то есть готовится к войне с Израилем. Сирия тщательно изучила силы Армии Обороны Израиля и способы противостояния. Сирия ищет пути обойти израильские вооруженные силы путем наращивания потенциала в части противотанкового оружия. Она пытается преодолеть преимущество израильских ВВС путем наращивания потенциала баллистических ракет и качественного роста противовоздушных систем за счет приобретения у России современных противовоздушных ракет нового образца. Это явится качественным скачком в росте противовоздушно-го потенциала Сирии.

Сирийский генштаб изрядно потрудился над системой подготовки сирийской армии к боевым действиям, причем как регулярных частей, так и резервистов. Он также сделал все возможное для того, чтобы подготовить возможность вернуть Голанские высоты военным путем.

В то же время Сирия в качестве орудия давления на Израиль использует террор, который призван способствовать возвращению Голан исключительно на предданных ему условиях. Сирия полагает, что может сломить волю израильского общества путем ведения партизанских действий, жертвами которых станут многие израильтяне. Именно по этой причине Сирия мобилизовала «Хизбаллу» на территории Ливана, которая в течение 16 лет вела боевые действия, направленные против Армии Обороны Израиля и израильских городов и поселков, распо-

ложенных на севере страны. Сирия использовала ливанскую «игровую площадку» для своей цели — возвращения Голанских высот.

Выход сил Армии Обороны Израиля из Ливана в мае 2000 года ослабил возможность Сирии вербовать террористов и проиранских боевиков для борьбы с Израилем. Но по этой же причине «Хизбалле» была предоставлена возможность действовать в районе Шиб'а на склонах горы Дов, отрога горы Хермон, лежащей на ливано-израильской границе. Сирия также позволяла «Хизбалле» дислоцировать дальнобойную артиллерию, ракеты и подразделения боевиков по всей территории Южного Ливана и поддерживать технику в состоянии боевой готовности.

Нельзя забывать о том, что Сирия кровно заинтересована в организации террора с ливанской территории. Сирия будет широко применять террор по своему усмотрению в случаях нарушения баланса сдерживания, сложившегося в результате отступления сил Армии Обороны Израиля из Ливана. В период пребывания сил Армии Обороны Израиля в Зоне безопасности Ливана руководством Израйля воздерживалось от прямого давления на Сирию, чтобы заставить ее обуздать боевиков «Хизбаллы».

Будучи министром правительства Рабина, я неоднократно участвовал в дискуссиях, возникавших всякий раз после очередного боя в Ливане, стоившего жизни израильским солдатам. Моя позиция и тогда и сейчас, спустя годы, заключалась в том, чтобы мы использовали доступные нам методы давления, но не на территории ливанских деревень и не в отношении марionетного правительства Ливана, а на собственно сирийской территории, которая реально управляла Ливаном. Я призывал не к немедленному удару по сирийским войскам в Ливане, а

скорее к удару по сирийской экономике. Я рассуждал так: раз Сирия не гнушается ударом по жизненно важным интересам Израиля — покоем на северной границе, то и Израилю следует оказывать давление на Сирию нанесением ответных ударов таким образом, чтобы это затривало ее жизненно важные интересы.

Как известно, своим управлением Ливаном и его экономикой Сирия ежегодно пополняла свою казну четырьмя миллиардами долларов. Удар по этим доходам не замедлил бы ударить и по кошелькам сирийской элиты. Израиль приступил к удару по этим целям лишь под занавес правления Нетаниягу, тем самым добившись затихья на достаточно длительный период времени.

Несмотря на вывод сирийских войск из Ливана, Сирия продолжает делать все возможное для сохранения своего политического и экономического влияния в этой стране. Сирийское руководство по-прежнему считает независимость Ливана незаконной. Но мы видим, что наметилась трещина в существующем сирийском режиме. Он утратил прежнюю стабильность. Однако не следует поддаваться иллюзиям, поскольку сирийская оппозиция представлена не либерально ориентированной интеллигенцией, стоящей на позициях демократии, свобод и модернизации. Следовательно, если существующий режим падет, то власть попадет в руки исламистской, суннитской оппозиции по типу Саудовских ваххабитов. Поэтому под «нестабильностью Ближнего Востока» я, в частности, подразумеваю опасность прихода к власти в Сирии мусульманских радикалов.

В период присутствия сил Израиля в Ливане я придерживался мнения, что если мы не хотим продолжения партизанской войны на юге этой страны, наши отношения с Сирией должны принять одну из двух следующих форм.

Первая, предпочтительная, — это мир, проистекаю-

щий из решения о заключении мирного договора. В таком случае у Сирии опадет необходимость к подстрекательству террора на территории Ливана. К тому же в этом случае Сирия вытеснит «Хизбаллу» из южной части, если не со всей территории страны: это было бы одним из условий договора.

Другая «опция» — это достичь состояния прямого конфликта или, по крайней мере, баланса, базирующегося на боязни конфликта. Это будет ответом Израиля на продолжительное использование Сирией «Хизбаллы» как средства достижения своих целей против Израиля, и тогда Израиль сможет нанести мощный удар непосредственно по сирийцам.

Израиль избрал второй путь, выведя войска Армии Обороны Израиля из Южного Ливана.

Вспомним, что Израиль после вывода своих войск уже по крайней мере дважды нанес удары по сирийским целям в Ливане в ответ на нападения «Хизбаллы» на ЦАХАЛ. Эти атаки «Хизбаллы» были нечастыми и ограничивались территорией ферм Шиб'а, потому что Сирия сдерживает широкомасштабные действия этой организации. Фермы Шиб'а — небольшая территория, на которую Ливан (по указке Дамаска) продолжает претендовать, невзирая на заверения ООН в том, что Израиль завершил вывод своих сил с территории Ливана.

Израилю удавалось успешно нейтрализовать факторы, побуждавшие «Хизбаллу» к действиям. Об этих факторах мы поговорим подробнее в следующих главах.

Как следует Израилю вести себя в отношении Сирии? Один из ответов — мы должны сохранять свою способность к военному сдерживанию.

Наши точные и мощные удары по сирийским целям в Ливане уже дали сирийцам представление о том, с чем им придется столкнуться в ходе полномасштабной войны.

Тем не менее политики сдерживания агрессии не достаточно. Сирию нужно по мере возможностей изолировать от арабского мира с тем, чтобы она была не в состоянии создать коалицию с другими государствами. Израиль преуспел на этом поприще в эпоху Рабина, заключив соглашения с палестинцами и Иорданией. Чем лучше наши отношения с другими арабскими государствами, тем сложнее будет для Сирии задача создания арабской антиизраильской коалиции и развязывания с ее помощью вооруженного конфликта. Когда выбор военного пути перестанет себя оправдывать, за столом переговоров Сирия начнет вести себя менее заносчиво и воинственно. И это еще один повод для диалога и поиска компромисса с палестинцами.

Но и этого не достаточно. Всегда должен оставаться «зазор» для компромисса с сирийцами, как и в случае с палестинцами. В январе 2000 года на встрече с Биллом Клинтонем Хафез Аль Асад отверг широкий жест (возможно, и слишком широкий) израильского премьер-министра Эхуда Барака.

Было бы ошибкой полагать, что отказ Сирии от предложения Барака обусловлен исключительно непреклонностью Асада. Дело не в том, что Асад просто хочет заполучить полосу земли шириной в несколько метров на северо-восточном побережье Кинерета. Мир в сирийском понимании существенно отличается от того, каким его видит Израиль. Для сирийцев мир означает прежде всего возвращение Израилем Голанских высот. Они потеряют, это включает земли, которые Израиль отвоюет у Сирии в июне 1967 года. Взамен они предлагают «холодный мир».

Сирия настаивает на том, чтобы обязательства по безопасности, вытекающие из мирного договора, носили симметричный характер. Иными словами, если Израиль

захочет, чтобы территория между границей и Дамаском стала зоной с ограниченным присутствием вооруженных сил, то Сирия будет настаивать на том, чтобы Израиль установил подобную зону с той же протяженностью вглубь на своей территории. Такая симметрия игнорирует тот факт, что Сирия трижды напала на Израиль, и то, что Голанские высоты дали бы ей серьезное топорифическое и стратегическое преимущество. Согласно сирийской концепции мира, верховье Иордана не должно находиться под контролем Израиля, несмотря на то что оно является главным источником воды для озера Кинерет, крупнейшего в Израиле пресного водохранилища.

Когда мы говорим о готовности Сирии к миру с Израилем, но на собственных условиях, то должны отдавать себе отчет в том, что речь идет именно об этих условиях. Ни одно серьезное израильское правительство не смогло бы принять их в таком виде. Поэтому мы должны заранее определиться в основных положениях будущего мирного договора с Сирией. Это черта, за которую заходить нельзя, и уступки в этих вопросах сделали бы любое соглашение с Сирией неприемлемым.

Во-первых, это защитенная граница. Таковой должна быть израильская граница на всей своей протяженности и особенно, когда мы имеем дело с государством со столь значительным военным потенциалом. Я не стану обрисовывать контуры этой границы, но в точности скажу, каким требованиям она должна соответствовать. В понятие «защитенной границы» входит не только удобное топографическое расположение. Существуют и другие факторы, которые способствуют ее защищенности. Возможность получения своевременных предупреждений о готовящемся нападении противника, способность защищающейся стороны к быстрой концентрации наземных сил для адекватного отражения вражеской атаки, способ-

ность к созданию препятствий для сосредоточения сил противника и его продвижения к линии соприкосновения — все эти факторы должны учитываться при очертывании контуров границы.

Каким требованиям должна соответствовать граница на Голанских высотах? Ее контуры, равно как и обязательства, связанные с ее безопасностью, должны делать внешнее нападение со стороны Сирии невозможным и — в случае нападения Сирии на Голанских высотах — исключить ее изначальное преимущество. В части соглашения, касающейся моментов безопасности, должны оговариваться и пункты дальнего обнаружения, необходимые для своевременного обеспечения Израиля достоверной информацией о подготовке Сирии к нападению. Никто не может цензурировать подобную информацию или препятствовать ее своевременному получению Израилем.

То есть, на этих опорных пунктах должна находиться израильская армия. Своевременное предупреждение имеет смысл лишь в том случае, если оно дает возможность лучше всего информации принять адекватные меры защиты. То есть, разделы возможного договора, касающиеся демилитаризации, должны быть сформулированы таким образом, чтобы в случае нарушения договора о мире у ЦАХАЛа была возможность выдвинуть в достаточном объеме наземные силы и дислоцировать их на Голанских высотах таким образом, чтобы они обрели тактическое оборонительное преимущество. Эти статьи должны быть сформулированы так, чтобы ЦАХАЛ имел возможность занять стратегически важные позиции до сирийцев. Это означает, что с сирийцами сирийцев демилитаризация должна носить масштабный характер, в то время как для израильской стороны она должна быть минимальной.

Две же пройдет окончательная граница? Я скажу лишь, что чем более приемлемыми окажутся для Израиля усло-

вия, касающиеся демилитаризации и своевременного предупреждения, тем глубже от Голанских высот Израиль сможет отступить. Израиль не должен соглашаться на границу, которая бы не обеспечивала ему преимущества в случае войны.

В любом случае, даже если будут выполнены все требования Израиля, касающиеся безопасности и прочих факторов, мы не должны соглашаться на границу, которая бы проходила западнее международной границы между подмандатной Палестиной и Сирией 1923 года. Когда правительство Баракка согласилось вывести войска из Ливана, тем самым пойдя на одностороннюю уступку, то в свете резолюции СБ ООН № 425 встал вопрос: до какой международной границы должен Израиль отступить? ООН делегировала команды топографов, в распоряжении которых находилось лучшее картографическое и прочее оборудование, которое должно было им помочь установить линию границы в соответствии со старыми картами.

В очертывании границы сотрудники ООН проявляли скрупулезность, доведенную до абсурда. Они не позволяли Израилю отклониться от определенной ими границы даже на метр.

Это привело к ряду нелепостей. К примеру, могла мурреца Талмуда Рабби Аши расположена неподалеку от кибуца Манара, прямо на границе. Сотрудники ООН не позволили ей находиться на территории Израиля, так что могилу «поделегили» между Израилем и Ливаном. Антенны и посты были передвинуты на несколько метров, что обошлось в миллионы долларов, лишь для того, чтобы каждый миллиметр нынешней границы в точности соответствовал параметрам «священной» границы 1923 года. Если граница, установленная в 1923 году, столь священна в вопросах, касающихся вывода сил Армии Обороны Израиля (ЦАХАЛа) из Ливана, то почему бы ей не

быть столь же священной, когда речь пойдет об очерчивании границы с Сирией в том случае, если Израиль однажды захочет к ней отступить?

Второе требование — полная нормализация отношений. Степень нормализации чрезвычайно важна, когда речь идет о серьезности и стабильности мирного договора с Сирией. Что есть долгосрочный мир? Мир, который не ведет обратно к войне. Мир, в нарушении которого не заинтересована ни одна из сторон.

Нормализация в понимании Израиля есть создание экономических, культурных и общественных связей между народами. Такого рода отношения создают целую сеть взаимных интересов, в основе которых лежат совместные проекты в области туризма, транспорта, энергетики, инфраструктуры, равно как и совместные инвестиции в коммерческие предприятия. Культурные и социальные узы закладываются путем организации программ культурного обмена для студентов и молодежи и симпозиумов врачей, специалистов по компьютерам, преподавателей университетов и художников. Сотрудничество в гуманитарных областях и сфере торговли, создаваемое на основе этих контактов, и является нормализацией в глазах Израиля. Именно нормализация способна сокрушить психологический барьер застарелой ненависти и стать реальным побудительным мотивом к укреплению и удержанию мира вместо возврата к войне. Это лучшая гарантия необратимости мира.

Поэтому Израиль и должен настаивать на нормализации как одном из основополагающих условий любого соглашения с Сирией, только в этом случае он сможет отказаться от своего нынешнего стратегического доверия на Голанских высотах.

Мы должны сделать все необходимое для того, чтобы в один прекрасный день не пожалеть об отказе от этого

достоинства взамен на такой мир, от которого недалеко до войны. Истинная нормализация — одна из самых прочных гарантий в этом вопросе. Сирийцы заявляют, что нормализация должна явиться результатом мира, а не условием договора. Таким образом, они пытаются не связывать себя ничем, кроме формальных дипломатических отношений. Разумеется, нормализацию нельзя навязать народу, которому она не нужна. Тем не менее в соглашении с Сирией должны быть оговорены все практические меры, которые смогут гарантировать, что путь к нормализации расчищен и безопасен для тех, кто его выберет.

Третье условие для заключения мира с Сирией — это контроль Израиля над жизненно важными для нас водными ресурсами. Стоимость воды на Ближнем Востоке высока, и ресурс ее продолжает истощаться по мере того, как население, нуждающееся в ней, продолжает расти. До начала Шестидневной войны Сирия контролировала источники Иордана, и в ноябре 1964 года даже предприняла попытку изменить течение реки, направив ее на собственную территорию. Эта попытка явилась причиной нескольких инцидентов на сирийско-израильской границе еще до начала войны. И лишь массивный ответ Израиля в июле 1966 года пресек попытки Сирии изменить течение реки. Сирия также контролировала северо-восточный сектор озера Кинерет, и там также то и дело раздавалась стрельба: это сирийцы нападали на израильских рыбаков. Сегодня Кинерет, как уже было сказано, — главное пресное водохранилище государства Израиль, а также источник трети воды, потребляемой израильянами.

Израилю нельзя допустить, чтобы какое-либо территориально-государственное образование получило доступ к этому жизненно важному водохранилищу. Договор с Сирией должен гарантировать не только легитимность нашего контроля над северо-восточным побережьем это-

то озера, но и сохранность качества вод. Учитывая тот факт, что истоки, берущие свое начало на Голанах, стекают главным образом в Кинерет, в договор должны быть включены твердые гарантии невозможности загрязнения сточных вод, экологических катастроф или умышленного саботажа. Истоки Иордана также должны находиться под израильским контролем. На первый взгляд может показаться, что если наступит мир, то не будет оснований для опасений по поводу того, что истокам Иордана будет нанесен ущерб. Но эта вода является столь бесценным стратегическим достоянием, что было бы в высшей мере безответственно доверить его какому-либо другому государству.

Это и есть мои три «красные черты» для заключения договора с Сирией. Если мы не будем от них отступать, то у нас появится шанс приступить к построению новых отношений с этой страной. Выполнение этого соглашения должно происходить постепенно и «ступенчато». Между стадиями нам потребуются перерывы с целью удостоверения в намерениях Сирии. Чем более условия договора соответствуют нашим требованиям, тем короче будут наши «передышки». Мы не должны возвращаться за стол переговоров с Сирией под давлением фактора человеческих потерь, вызванных агрессией Сирии и ее сателлитов, и в ходе переговоров мы никогда не должны добровольно выдвигать сроки достижения соглашения. В переговорах с Сирией на карту ставятся столь важные стратегические приоритеты, что у нас не остается права на ошибку.

Глава 6

ТУМАННОЕ БУДУЩЕЕ ИРАКА

Свержение Саддама Хусейна и его режима армией коалиции во главе с США отвело от Израиля серьезную угрозу. Несмотря на то что этой опасности больше не существует, важно дать ей определение. Иракская угроза Израилю делится на две части: непосредственная угроза и жизненно важная потенциальная угроза. У непосредственной угрозы было несколько компонентов:

- Способность выпустить по Израилю ограниченное количество ракет класса «земля-земля», которые потенциально могли бы нести химическое оружие.
- Передать террористической организации или задействовать самому биологическое оружие. И мы знаем, что у Саддама было такое оружие.
- Участвовать в войне Сирии с Израилем с помощью переправки бронетанковых сил, которые присоединятся к сирийцам на иорданском или сирийском фронте.

Мощь таких сил, которые могут быть задействованы в войне, оценивалась в 3—4 бронетанковые дивизии.

Удаленная угроза Израилю — еще более серьезна. У Саддама Хусейна было два компонента, необходимых для разработки ядерного оружия: ну-хау и деньги. И что более важно — у него было стремление заново приступить

к производству ядерного оружия. Он доказал это после бомбежки ядерного реактора в 1981 году и, насколько мы знаем, также после его поражения в 1991 году. Саддам хотел воссоздать и заново отстроить необходимую промышленную базу для разработки бомбы и, если бы ос-тался у власти, завладел бы этим оружием в считанные годы. В прошлом, в ходе войны с курдами, он уже доказал, что готов воспользоваться оружием массового уничтожения, а именно химическим, даже против своих подданных. По проверенным источникам, включая показания двух его зятьев, дезертировавших в Иорданию, он обладал биологическим оружием.

Получение Хусейном атомного оружия было лишь вопросом времени. Ядерная угроза, исходящая от Хусейна, не была такой явной в день его падения, но если бы этого не произошло, она бы превратилась в конкретную угрозу. Для нас, израильтян, это была стратегическая постоянная угроза. 39 ракет, выпущенных Саддамом по Израилю, доказали то, что мы всегда должны учитывать опасность даже ограниченной военной мощи арабского мира, потому что потенциально это оружие всегда нацелено на нас. Желание Саддама выглядеть защитником дела Палестины и его желание объединить арабские массы в борьбе против Запада побудили его выпустить ракеты по Израилю в 1991 году. Это означает, что даже отдаленное арабское государство, обладающее ракетной мощью дальнего радиуса действия, способно ударить по Израилю, если ее лидер будет видеть в этом свой политический интерес. Идеологическое обоснование этому будет найдено и предьявлено постфактум. Любое вооружение на Ближнем Востоке, способное ударить по Израилю, следует рассматривать как угрозу.

Сейчас эта опасность миновала. Ирак не представлял его угрозы Израилю. Но это не единственное стратегичес-

кое изменение, которое произошло для Израиля вследствие падения режима Саддама Хусейна. Падение Саддама и военное присутствие США в Ираке вызвало следующие изменения:

- Лишило Сирию стратегического тыла в лице Ирака.
- Создало преграду между Ираном и Сирией, осложняющую военное сотрудничество между этими странами и, в частности, усиление организации «Хизбалла» и снабжение ее оружием.
- Дало США большую свободу действий против плацдармов террора.

Эти изменения остаются в силе, пока существует впечатляющее американское присутствие в Ираке и готовность США сохранить это присутствие в обозримом будущем.

На момент написания этих строк ситуация в Ираке изменчива и нестабильна. США платят кровавую цену за свое пребывание там. К сожалению, как уже не раз заявлялось и признавалось, разведывательные службы США не смогли предвидеть и предотвратить большинство возникших после свержения режима проблем.

Как создать единую сферу власти, которая сохранит территориальное единство Ирака, удерживая интересы различных этнических групп в рамках допустимого и понятного при федеральной системе управления?

Как бороться с суннитским террором в центре страны и с шиитским — на юге, не оттолкнув от себя гражданское население?

Как гарантировать, что федеральный шиитский район на юге Ирака не станет исламской республикой, инспирируемой из Тегерана?

Вследствие того, что самый обустроенный, дисциплинированный и беспроблемный район — это северный Курдистан, как избежать превращения его в федеральное государство курдов, и как избежать противостояния с Турцией на этой почве?

Как запустить заново иракскую нефтяную промышленность, которая является главным источником дохода для иракского государства? Восстановление в полном масштабе этой промышленной сферы требует больших финансовых вложений. Стоит ли приватизировать ее и как это сделать, или все же национализировать?

Все эти сложные проблемы встанут перед любой американской властью, которая примет решение остаться в Ираке и попробует сформировать его будущее. И чем дольше будет оттягиваться решение этих проблем, тем более они будут усугубляться, тем более вопрос Ирака будет заботить американское правительство.

Каково будущее Ирака? Мне видятся три сценария развития событий.

Первый сценарий. США в конце концов решат с помощью международного сообщества или без него эти проблемы и создадут в Ираке демократическое федеральное государство, в котором будут использованы его богатые нефтяные запасы для экономического процветания и улучшения благосостояния граждан. Об этом Израиль может только мечтать. Такой Ирак, безусловно, будет партнером для укрепления мирного процесса вместе с Египтом и Иорданией. Он укрепит в регионе коалицию «умеренных» стран, дружественных США, обязавшихся бороться с террором и религиозным экстремизмом. С экономической точки зрения, получат выгоду от существования такого Ирака как Иордания, так и Израиль. В построении нового Ирака смогут принять участие и иракские компании. Торговые маршруты такого Ирака

пойдут к Средиземному морю и Атлантическому океану через Иорданию и Израиль. В мою бытность министром транспорта, в 2002 году, еще до начала войны в Ираке, я распорядился начать планирование железнодорожной линии Хайфа—Бейт-Шеан, которая соединит Иорданию с хайфским портом и обеспечит выход Иордании и Ираку к Средиземному морю.

Демократический и миролюбивый Ирак — это самый лучший вариант. Он же менее всего вероятный.

Второй сценарий. США, возможно, удастся создать другое иракское государство, менее демократичное и менее миролюбивое, нечто вроде второго Пакистана. Такое иракское правительство будет управлять с помощью жестких административных полномочий, чтобы установить закон и порядок, и будет пытаться избежать любого сближения с Израилем, чтобы не провоцировать исламских экстремистов.

Такой Ирак не сыграет положительной роли в регионе, но, по крайней мере, не будет представлять военной угрозы для Израиля в первые годы существования. Со временем, когда восстановятся его вооруженные силы, эта страна может числиться среди арабских государств, которые будут упорствовать в сохранении своей враждебности к Израилю.

Третий сценарий таков, что в Ираке установится слабое централизованное правительство, которое не сможет функционировать без поддержки США. Только на севере страны курдам удастся осуществлять эффективное правление. В Южном Ираке образуется федеральное шиитское государство, инспирируемое или даже управляемое Ираном. Террор и насилие будут продолжаться. Даже если в этом не будет прямой угрозы Израилю, существование источника религиозного фанатизма и вооруженного террора отрицательно повлияют на стабиль-

ность в регионе, главным образом в районе Персидского залива.

Неспособность американцев предотвратить террор в Ираке влечет террористические и антизападные силы в регионе, а также деморализует более умеренные арабские режимы. С точки зрения стратегической перспективы, Ирак, в котором господствует хаос, затронет и интересы безопасности Израиля. На сегодняшний день ситуация в этой стране не внушает оптимизма. Ирак становится «международной академией» террора, который грозит распространиться к западу от этой страны — на Иорданию и Израиль.

Подытоживая влияние падения режима Саддама Хусейна на стратегическую ситуацию на Ближнем Востоке, можно сказать, что в обозримом будущем Ирак не представляет угрозы для Израиля. Американское присутствие в Ираке и между Ираном и Сирией затрудняет действия экстремистских организаций, которые базируются в этих странах, и самих этих стран.

Если в Ираке будет создан демократический режим и он подпишет соглашение о мире, это будет являться залогом безопасности Израиля и региона в целом. Любые другие варианты, связанные с продолжением анархии и отсутствием порядка в этой стране, ускорят угрожающие деструктивные процессы в регионе.

Глава 7

ИРАН — ОСНОВНАЯ УГРОЗА

Наиболее реальную угрозу существованию Израиля представляет Иран.

Мне довелось первому поставить этот вопрос в повестку дня заседания Кнессета 26 января 1993 года.

Премьер-министр Ицхак Рабин поддержал меня словами: «Речь депутата Эфраима Снэ о наличии ядерной угрозы со стороны Ирана справедлива и заслуживает внимания. Мы должны всерьез задуматься над тем, что в случае поражения Ирана может появиться ядерное оружие. Не исключено, что цели, преследуемые правительством Ирана, представляют даже большую опасность, чем цели, которые ставит перед собой иракский лидер сейчас, когда его возможности ограничены».

Я не перестаю напоминать об этой угрозе на заседаниях Комиссии Кнессета, членом которых являлся, в средствах массовой информации, в Вашингтоне и других столицах влиятельных государств. Постепенно, главным образом благодаря работе спецслужб ЦАХАЛа, были получены сведения о наличии у Ирана ракет, способных нести ядерные боеголовки. Эта информация вскоре стала достоянием широкой общественности. Меня перестали воспринимать как «одинокого пророка погибели».

Нельзя не вспомнить о генерале запаса Амосе Тиланде, которому удалось за время пятилетнего пребывания

на посту главы исследовательского отдела военной разведки Армии Обороны Израиля (ЦАХАЛ) убедить высшие чины министерства обороны, равно как и глав секретных служб иностранных государств, в степени опасности, которую представляет Иран.

И, несмотря на это, по сей день находятя израильские политики, которые предпочитают сбрасывать Иран со счетов. Это явление носит, по сути, психологический характер, заключающийся в вытеснении нежелательно явления под прикрытием неосведомленности и наличия поверхностного представления о том, что происходит в Иране.

Что же на самом деле происходит в Исламской республике Иран? Режим Аятоллы (высший духовный титул) переживает кризис. Углубляется кризис экономической. Даже 3,5-процентный рост валового внутреннего продукта, имевший место в 2000 году в результате роста мировых цен на нефть, оказался слишком малым в условиях значительного прироста населения. Ежегодный рост внутреннего валового продукта на душу населения составляет 1200 долларов, рост инфляции составляет 25 процентов, уровень безработицы высок, особенно среди образованной молодежи. Коррумпция приобрела размах эпидемии — государственные служащие не в состоянии прожить на зарплату, и взяточничество стало нормой. Бежавший из страны иранский генерал, с которым мне довелось беседовать, рассказал, что его коллеги, которые до сих пор находятся на армейской службе, вынуждены ночами подрабатывать водителями такси для того, чтобы свести концы с концами. Представители духовенства, приближенные к правительству, паразитируют на национальном богатстве, в то время как народ, включая и средний класс, бедствует.

Таково печальное завершение исламской революции. Иран обладает огромным экономическим потенциалом.

Но по прошествии более двадцати лет после падения режима Шаха и захвата власти исламскими фанатиками, во главе которых встал аятолла Хомейни, положение народа стало хуже, чем до хомейнистской революции.

В наиболее тяжелом положении находятся женщины и молодежь. Первые страдают от религиозной дискриминации, потому что законы ислама, воцарившиеся в стране, ограничивают права женщин во всех сферах жизни. Например, женщина обязана носить традиционную одежду, которая полностью скрывает ее облик, оставляя лишь узкий просвет для глаз. В Париже, в аэропорту Шарля де Голля, я однажды увидел пассажиров авиакомпании Iran Air, которые прибыли прямым рейсом из Тегерана. Едва успев пройти паспортный контроль, пассажиры сняли покров с лица и головы.

Молодое поколение находится в еще более тяжелой ситуации. Многие молодые люди хотят не только заработать на жизнь, но и вести тот образ жизни, который ведут их западные сверстники. Они ненавидят режим, навязанный им институтом Аятолл, запрет сексуальных контактов, вынужденную изоляцию от западной культуры, когда даже свободный доступ к Интернету официально запрещен. Террористическая власть религиозных мудрецов не дает им ничего ни в материальном плане, ни в духовном.

Не удивительно, что когда аятолла Хатами, снявший репутацию умеренного политика и реформиста, выигнул свою кандидатуру на президентский пост в ходе выборов 1997 года, он завоевал порядка 70% голосов. Он был переизбран примерно тем же количеством голосов в июне 2001 года, при этом основу его электората составили женщины и молодежь, невзирая на то, что эти группы населения были сильно раздосадованы тем, что правительству не удалось провести серьезных реформ. На самом деле полномочия президента Ирана весьма ограни-

ченны. Реальная власть сосредоточена в руках совета религиозных мудрецов во главе с фанатиком-радикалом, высшим духовным лидером аятоллой Али Хаменеи. Хаменеи может наложить вето на проект закона. Он также осуществляет контроль над судопроизводством, иранскими секретными службами и службой безопасности, над оборонной и ядерной индустрией и — соответственно — над всеми важнейшими сферами управления в стране. Начиная с 1999 года он провагил большинство реформ, затеянных президентом Хагатами. Во время первого года своего второго срока правления Хагатами не только не удалось осуществить обещанные реформы, большинство представителей реформистского лагеря были посажены в тюрьмы, а прореформистская пресса закрылась. Экстремистский лагерь, возглавляемый Хаменеи, наносил реформистскому лагерю один удар за другим.

Невзирая на поражение, популярность Хагатами долгое время оставалась высокой. Дело в том, что нет в стране политического лидера, придерживающегося столь же умеренных взглядов, сколь Хагатами, которому бы дозволилось участвовать в общественной и политической жизни и при этом оставаться на свободе. Более того, существовал некий симбиоз, или даже негласное соглашение между Хаменеи и Хагатами. Хагатами, являющийся неотъемлемой частью религиозного истеблишмента, играет своего рода роль промootвода для аятоллы Хаменеи со стороны иранской оппозиции. Хагатами обеспечивал определенную свободу самовыражения оппонентам режима, в то же время не давая им возможности вырваться из-под «правления религиозного мудреца», которое является и идеологической, и законодательной базой для мусульманской теократии. Это стало очевидным во время студенческих погромов в 1999 году, когда в минуты кризиса Хагатами взял сторону не бунтующих студентов, но аятол-

лы Хаменеи, который для того, чтобы покарать и усмирить бунтовщиков, напустил на них банды головорезов.

Режим аятолл использовал Хагатами с еще одной целью. Его умеренность служила прикрытием для мракобесов. По всем западным критериям от Ирана следовало бы держаться подальше, его также следовало бы подвергнуть ostrакизму. Тегеранский режим запятнал себя попытками оппонентов, он заставил замолчать свободную прессу, он истребляет бежавших из страны противников режима. Несмотря на это, развитые страны Запада, главным образом Западной Европы, а также Япония заискивают перед иранскими лидерами. Они отодвигают сроки принятия долга, улучшают условия кредита, а также ведут переговоры в сфере развития нефтяной и газовой промышленности Ирана. С точки зрения этих стран, рынок из почти 70 миллионов потребителей, какими бы бедными они ни были, не перестает быть экспортным рынком и не заслуживает пренебрежения. Именно жажда прибыли заставляет западные деловые круги и правительства закрывать глаза на характер и деяния иранского режима. Хагатами, как иранский «фасад» умеренности, служил удобным прикрытием этой лицемерной политики.

Предупреждение мира об иранской угрозе — занятие не из продуктивных. Но я продолжаю твердить о ней из-за ее исключительной важности. К сожалению, я — один из немногих.

Сталкиваясь с разговором умоляния, условиями о «прощении», которыми прикрываются откровенные личны и групповые экономические интересы, а то и откровенным страхом, я начинаю понимать, как Пиглер пришел к власти в Германии 30-х годов прошлого столетия. Когда я беседовал с европейскими государственными деятелями и рассказывал им о попытках Ирана торпедировать мирный процесс на Ближнем Востоке посред-

ством террора и разработки ядерного оружия и ракет, которые могут долетать до нашей страны, то получал такой ответ: «Да, но Хатами не такой, есть шанс, что все переменится, и мы поощряем представителей умеренного крыла путем ведения с ними диалога». Это просто абсурд. Даже Хатами не изменил лица режима Хомейни и, разумеется, не прекратил спонсирования террора. Узаконивание режима Тегерана облегчало для него задачу приобретения компонентов, материалов и знаний, необходимых для производства оружия массового поражения.

В 2004—2005 годах произошел перелом в отношениях Ирана и международной общественности. Международное агентство по атомной энергии признало в конце концов, в 2004 году, что в течение 18 лет Иран скрывал свой ядерный проект обманом и искажением фактов. Это сообщение побудило три крупных и важных государства в Европе — Германию, Францию и Великобританию — попробовать убедить мирным способом режим Аятоллы прекратить обогащение урана в обмен на ряд экономических и технологических льгот, включая присоединение Ирана к Всемирной организации торговли и поставки ядерных технологий для мирных целей. Список преступлений Ирана в области прав человека и поддержки террора не учтывался при предложении Ирану щедрых экономических послуж. Однако продолжительные переговоры Ирана с Германией, Францией и Великобританией не привели к прекращению производства обогащенного урана и разработок ядерного оружия. Иран обманом выиграл время и продвинулся в ядерном проекте за время ведения переговоров с европейцами. В то время, когда я пишу эти слова, Иран возобновил переработку урана — необходимый этап перед его обогащением. Обогащенный уран перерабатывается в центрифугах, а затем будет использован в качестве основного компонента ядерной бомбы.

В июне 2005 года президентом Ирана был выбран Махмуд Ахмадинежад, представитель «Корпуса стражей исламской революции», в прошлом — активный террорист, жесткий и экстремистский мусульманский идеолог. Эпоха Хатами, эпоха, на первый взгляд, умеренного правления Аятоллы, закончилась. Новый президент не скрывает своих «темных» позиций в вопросах статуса женщины и гражданских прав. Он также ведет жесткую и воинственную политику в вопросе обладания ядерным оружием. Избрание Махмуда Ахмадинежада означает сосредоточение власти в Иране в руках «стражей революции». Это принципиальная основа режима. Политика государства станет теперь более непреклонной и агрессивной.

Видимо, иранскому народу надоел «камуфляж» Хатами и он предпочел выбрать экстремиста, который покажет истинный характер режима. Нет определенности, что это случится. Приведет ли приход Ахмадинежада к власти к более действенной американской политике по отношению к этому режиму? На момент написания книги трудно ответить на этот вопрос положительно. Израиль может надеяться на это, но полагаться должен только на себя.

Какова стратегическая идеология иранского режима? Министр обороны Ирана адмирал Али Шамхани выразил ее в речи по случаю годовщины Дня национальной революции в августе 1998 года. Иран считает себя обязанным непосредственно помогать, путем военного вмешательства, любому мусульманскому меньшинству или организации в любом конце света. После своего избрания, уже в 2005 году, новый президент Ирана санкционировал стратегию государства недвусмысленной фразой: цель государственной иранской политики — быть «президентом для всего мира» в духе экстремистского ислама. По его словам, США — это приходящая в упадок власть, место которой в мире будет занято восходящей,

более мощной властью — исламской республикой. Ахмадинежад добавил, что геополитическое главенство на Ближнем Востоке — это «беспорное право иранского народа». Стремление выступать в роли глобального защитника ислама служит оправданием Ирану не только при создании им баллистических ракет дальнего радиуса действия, способных достичь самого сердца Европы и России, но и для подстрекательства к подрывной деятельности в отдаленных от него государствах, таких как Босния и Узбекистан.

США («Большой дьявол») и Израиль («Маленький дьявол») провозглашены врагами ислама. Ненависть к Израилю выражается в отрицании его права существовать на мусульманской земле и необходимости его уничтожения. Это один из краеугольных камней идеологии иранского режима. В таком случае не удивительно, что на параде по случаю Дня Революции в 1998 году Тереран продемонстрировал ракеты «Шихаб-3» с радиусом действия в 1300 километров. На ракетах красовались два лозунга: «Израиль должен быть стерт с лица земли» и «США бессильны».

Ненависть к Израилю носит более конкретный характер, чем к далекой Америке. Израиль, вовлеченный в борьбу с палестинцами на территориях и с «Хизбаллой» на границе с Ливаном — враг «осяземный». Ненависть к нему — идеологический фетиш, особый зажечь массы. Только израильско-палестинское соглашение об окончательном урегулировании выбило бы почву из-под ног исламского милитаризма и религиозной диктатуры в отношении к нашей стране. Таким образом, Аятоллы могут увидеть примирение Израиля с Палестиной только в кошмарном сне и прилагают все усилия к тому, чтобы преградить путь любой такой возможности.

Мы видим враждебность Ирана и опасность, которую он представляет для Израиля. Иран занимается разрабо-

кой ядерного оружия при технологической поддержке Пакистана, Северной Кореи и России. По оценкам секретных служб Запада, Иран сможет производить ядерное оружие уже в конце нынешнего десятилетия. Более того, Иран постоянно пополняет арсенал химического и бактериологического оружия, а также не перестает его производить.

Иран уже создал, главным образом при содействии Северной Кореи и России, несколько ракет «Шихаб-3», радиус действия которых (1300 километров) позволяет достичь территории Израиля. В августе 2003 года они были официально подготовлены к оперативному использованию, и Иран намерен начать серийное производство этих ракет. Ракета «Шихаб-4» с радиусом действия 2000 километров и «Шихаб-5» с радиусом действия 5000 километров находятся на различных стадиях разработки и, очевидно, будут готовы к эксплуатации и оперативному использованию в 2009 году или даже ранее. Эти ракеты могут быть оснащены ядерными боеголовками. Это означает, что во второй половине нынешнего десятилетия Иран будет способен нанести удары по Израилю ракетами, оснащенными ядерными боеголовками, даже из глубин своей территории, равно как и по целям в Европе, России, Индии и Африке.

Иран основал консорциум, включающий четыре террористических организации: «Хизбалла», «Хамас», «Исламский джихад» и «Народный фронт освобождения Палестины» Ахмада Джибриля. До 2000 года Иран поддерживал каждую из этих организаций в отдаленности, постоянно наращивая объем помощи в сфере финансирования, вооружения, обучения и руководства. Он создал «Хизбаллу» с тем, чтобы та, захватив Ливан, вела с его территории войну непосредственно против Израиля. Он постепенно прибрал к рукам палестинские террористи-

ческие организации, и чем больше он им давал, тем более сильное давление он оказывал на них, требуя осуществления терактов в соответствии со своими интересами. Начиная с 2000 года Иран все более жестко координирует совместную деятельность этих организаций. Эта деятельность заключается в совместном обучении, а также в оперативном содействии и помощи в поставках вооружений и другого оборудования. Например, члены «Народного фронта» Ахмада Джибриля пытались осуществить доставку крупных партий оружия контрабандным путем в сектор Газа на судах, как в случае с кораблем «Санторини», который был захвачен израильским ВМФ. Иран поощряет деятельность этих организаций шедрыми денежными посулами. «Исламский джихад», например, получает от Ирана денежное вознаграждение за каждого убитого в террористическом акте израильтянина.

Самое опасное для Израиля иранское проникновение — это попытка взять под свой контроль военные группировки на Западном берегу и в секторе Газа, подчиняющиеся относительно умеренному в Автономии палестинскому политическому движению Фатх. Иран с помощью денег, переведенных «Хизбаллой» на территории Автономии, добился в 2004 году ситуации, при которой большинство терактов, совершенных на территориях, были произведены по его прямому или косвенному приказу. Иранское проникновение в «батальоны мучеников Аль-Акса» угрожает государственной политике и «умеренному» имиджу в глазах мировой общественности нынешних руководителей Автономии, так как теракты, которые совершают эти боевики, ассоциируются с палестинским истэблишментом вопреки желанию последнего. Иран использует «Хизбаллу» для создания ячеек террора в среде израильских арабов для того, чтобы открыть новый фронт терроризма, который смог бы внести еще

больший диссонанс в израильское общество. Если прежде Иран использовал деятельность террористических организаций в целях подрыва мирного процесса с Израилем с тем, чтобы в дальнейшем исключить всяческую возможность примирения, то сегодня его цель — подорвать израильское общество изнутри путем совершения масштабных террористических акций, которые, по его мнению, посеют отчаяние в израильском обществе и деморализуют его. Именно этим и занималась «Хизбалла» в период пребывания сил Израиля в Южном Ливане. Ее нападения уносили жизни многих израильских военнослужащих, что привело к тому, что общество стало настаивать на отступлении контингента ЦАХАЛа к международной границе. Иран хочет добиться подобного успеха и на территории Израиля. Для осуществления этого проекта и намеряются арабские террористы. Более того, это прекрасный повод для попытки поставок ракет и реактивных пушковых устройств в Палестину. Судно «Карин Эй», начиненное современным оружием, ракетами и минометами и отправленное к берегам Палестинской автономии, — самое красноречивое тому подтверждение. Это была попытка Ирана использовать Арафата в целях осуществления израильтян, в особенности проживающих в центре и на юге страны, при помощи ракетных и минометных атак с Западного берега и из сектора Газа.

Специальное подразделение секретной службы Ирана поддерживает совместно с «Хизбаллой» инфраструктуру террора, направленную против Израиля и еврейских объектов за рубежом. В качестве примера достаточно вспомнить кровавые теракты в посольстве Израиля в Бунос-Айресе 17 марта 1992 года и в еврейском общинном центре 18 июля 1994 года. Эта инфраструктура существует и в других частях света, где также совершаются чудовищные террористические акты.

Наибольшего успеха в своей борьбе против Израиля «Хизбалла» добилась в Ливане. В течение многих лет Иран взращивал эту организацию как своего религиозного, политического и военного представителя в этой стране. Он перевел сотни миллионов долларов в год ливанским шияитам на организацию инфраструктуры, обучение и обеспечение боевиков. Тысячи тонн оружия и боеприпасов были переправлены самолетами из Ирана в Ливан, доставлены в международный аэропорт Дамаска, откуда они, пройдя сирийские блокпосты, прибыли на склады «Хизбаллы» в ливанскую долину, Бейрут и на юг страны. Оснащение и подготовка, обеспечение Ираном, позволили «Хизбалле» вести партизанскую войну против ЦАХАЛ и наносить удары по северным городам Израиля. Вывод израильских сил из Ливана в мае 2000 года без соглашения вкупе с прекращением существования армии Южного Ливана (ПАДАЛ), являвшейся израильским союзником, был расценен арабским миром как победа «Хизбаллы» над всемогущей Армией Обороны Израиля. Не удивительно, что главарь «Хизбаллы» Хассан Насралла хвастается тем, что он единственный арабский лидер, которому удалось разгромить ЦАХАЛ. Несмотря на то что на протяжении многих лет нашей армии удавалось контролировать территорию Южного Ливана, и даже несмотря на то, что это не была неосвоенная акция нашего руководства (Эхуд Барак, ставший главой правительства в 1999 году, более чем за год до вывода ЦАХАЛа дал обещание покинуть территорию Южного Ливана), арабский мир воспринял наш выход как «бегство» армии и победу «Хизбаллы», а через нее и Ирана. Вывод израильской армии укрепил уверенность иранцев в том, что посредством непрекращающегося террора, уносящего одну за другой жизни израильтян, можно сломить дух израильского общества. Таким об-

разом, когда ЦАХАЛ вывел свои войска из Ливана, «Хизбалла» дислоцировала своих боевиков вместе с сотнями ракет «катюша» вдоль границы. В качестве стратегической меры в Южном Ливане были размещены сотни ракет дальнего радиуса действия — «Фаджар-3» с радиусом действия 43 километра и «Фаджар-5» с радиусом действия, покрывающим всю территорию Севера Израиля, вплоть до районов, находящихся южнее Хайфы. Согласно сообщением Яфского центра стратегических исследований, иранские ракеты управляются представителями Иранской революционной гвардии, обосновавшейся в Ливане. Это беспрецедентная провокация и угроза. Каждый пятый израильтянин проживает в зоне радиуса действия ракет. С момента окончания «холодной войны» ни одно из государств не размещало своих ракет на территории другого государства и не нацеливало их на мирное население третьего. США пролились по грани войны при подобных обстоятельствах, когда в 1962 году СССР разместил свои ракеты, нацеленные на Флориду, на Кубе. В конечном итоге войны не последовало, поскольку СССР убрал оттуда свои ракеты. Размещение Ираном стратегических вооружений в Ливане прежде всего означает, что Израиль и Иран находятся на пути к столкновению. Силы, размещенные в 1200 километрах от собственной границы, в конце концов будут задействованы. Уж слишком велик соблазн Ирана нанести Израилю чувствительный удар.

Тем не менее, если мы и находимся на пути к вооруженному конфликту с Ираном, это не означает, что он непременно будет иметь место. Его можно предотвратить политическими мерами и путем военного сдерживания. На политической арене мы должны работать над тем, чтобы всем стало понятно, как скажется это столкновение на региональной стабильности, на ситуации в глобаль-

ном энергетическом рынке, а также на положении стран, которые незамедлительно ощутят на себе последствия столкновения — речь идет о Сирии и Ливане. Если бы эти страны только понимали, какую цену им придется заплатить за предоставление баз, транзита и содействие агрессии против граждан Израиля, они бы немедленно убрали со своей территории ракеты и «катюши» и начали оказывать давление на «Хизбаллу» с тем, чтобы та прекратила свою деятельность. На встречах с европейскими и российскими лидерами мы должны и впредь уделять особое внимание подстрекательству Ирана к террору, его планам крупномасштабных нападений на Север Израиля и возможность использования им ракет с ядерными боеголовками дальнего радиуса действия. Эта деятельность может превратить Европу и Россию в жертв шанса в руках обскурантской иранской теократии.

Принимая во внимание опасность бездействия международнои ответственности, в результате которой экспортский Иран все-таки придет к обладанию ядерным оружием, возникает вопрос: что можно сделать в этой ситуации?

Продолжение дипломатической игры с режимом Аятолла в Тегеране никакими результатами не принесет. Жаль тратить на это время. Существует вариант военного развязывания событий, который в последний момент предотвратит создание Ираном ядерного оружия. Несмотря на то что мы способны осуществить такую военно-оперативную акцию, этот вариант развития событий очень нежелателен, а потому следует видеть в нем самую крайнюю меру.

Существуют еще два способа, которые помогут избежать ситуации, когда фанатичный исламский режим сможет завладеть оружием массового поражения.

Первый: дипломатическая и экономическая изоляция Ирана. Дипломатическая изоляция важна не меньше, чем

экономическая. Для этого необходимо, чтобы вся международная общественность воспринимала ее серьезно и приняла в ней участие. Не только США должны возложить санкции на Иран, но также Россия, Китай и Евросоюз. Изоляция должна привести к краху режима. Подобное решение невозможно без соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН.

Существует и еще один путь. Необходимо поощрять демократические силы внутри Ирана, способные взять судьбу страны в свои руки. Нужно недвусмысленно дать им гарантии, что, если будет свергнут средневековый режим Аятолла, демократии развитых стран всемерно поддержат прогрессивную власть в Иране. Но до тех пор, пока influentialные западные страны заигрывают с правящим режимом, силы оппозиции внутри иранского общества и народные массы видят с их стороны лишь потворство диктатуре.

Возможно, светская, демократическая власть, которая появится в Иране после падения режима Аятолла, также захочет продолжить разработки ядерного оружия. Но тогда мы будем иметь дело с другим порядком вещей, более конструктивным как для Израиля, так и для всего региона. С демократическим светским режимом мы сможем прийти к пониманию и даже к стратегическому соглашению на базе военного паритета.

Смена режима в Иране — наилучший вариант развития событий. Но он всецело в руках народа Ирана.

В заключение скажу, что политические меры необходимы, однако нам категорически нельзя полагаться только на них. Другие ответные меры на стратегическую угрозу со стороны Ирана будут обсуждаться в следующих главах.

ИЗРАИЛЬ И РОССИЯ: ОТ ВРАЖДЫ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Израильско-российские, или в прошлом израильско-советские, отношения, знали взлеты и падения. Самым лучшим периодом были 1947—1949 годы, когда Советский Союз решительным образом выступил за создание Государства Израиль и обеспокоился, чтобы в Израиль поступало чешское оружие, которое было нам просто необходимо для победы в Войне за независимость.

Усиление «холодной войны» и выбор Израилем прозападной внешнеполитической ориентации окончательно изменили эти тенденции. В 1955 году, после заключения первой сделки СССР с Египтом о поставке оружия, начался продолжительный период враждебности, длившийся 35 лет. С 1955 года и до своего распада Советский Союз оказывал неограниченную поддержку арабским странам в их войне с Израилем, снабжал их лучшими видами современного оружия, а в некоторые периоды (например, в конце Войны на истощение, 1970 год) даже активно, но скрыто участвовал непосредственно в военных действиях против Израиля. Распад Советского Союза позволил России, новой власти в Москве, вести независимую политику на Ближнем Востоке и даже стать одним из двух ко-спонсоров израильско-палестинского соглашения, подписанного в Белом доме в сентябре 1993 года. Прозойшел переворот в российско-израильских отношениях

их, которые за короткое время превратились из «корректных» в дружественные.

Можно ли еще углубить российско-израильские отношения и превратить их в действительно партнерские?

Существуют два объективных фактора для такого партнерства. Первый — в Израиле проживает около миллиона человек, для которых русский язык и русская культура, классическая и современная, являются родными. Это тесная связь со своей «первой Родиной», которой нельзя пренебрегать. Российские власти намерены развивать связи с населением «русской» диаспоры, проживающим за пределами России, и здесь, в Израиле, находится самая большая и самая образованная община выходцев из бывшего СССР. Поэтому естественно, что Россия будет иметь особые дружеские отношения с нашей страной.

Вторым фактором является борьба с мусульманским террором. Я не имею в виду только чеченский террор против российского населения, захват заложников в театре в Москве или школы в Беслане. Существует всеобъемлющая опасность расширения масштабов террора на другие области, на южных рубежах России. В настоящее время активно действуют террористические партизанские отряды в Узбекистане. Цель экстремистов-мусульман, воюющих в Ферганской долине, — создать на участке территории, граничащем с Таджикистаном, Киргизстаном и Узбекистаном, территорию, которая будет использоваться как трамплин для подрывной исламской деятельности во всем регионе. Расширение мусульманской подрывной деятельности в этом и в других регионах, граничащих с югом России или непосредственно внутри нее, — серьезная угроза для безопасности Российской Федерации.

К нашему сожалению, Россия переживает все виды терактов, которые мы, израильтяне, пережили за многие годы: подрыв самолетов в воздухе, массовое похищение заложников, захват детей в школе, теракты самоубийц в многолюдных местах. Тот факт, что Россия, как и мы, жертва исламского террора, что Израиль и Россия находятся по одну сторону баррикады в новой мировой войне между западной культурой и исламским экстремизмом, почему-то еще не увенчан окончательно ни в российских коридорах власти, ни в настроенных части российских граждан.

В моих беседах с представителями руководства РФ я все еще слышу какое-то различие между террором, жертвами которого мы являемся, и террором, наносящим удары по России. Трагическое заблуждение: это тот же самый террор. Религиозно-идеологические мотивы идентичны. Только предлог другой: война в Чечне, с одной стороны, и завоевание палестинских территорий — с другой.

Чем полнее мы осознаем общность целей, тем более упрочится стратегический союз между Израилем и Россией во всем, что касается борьбы с террором.

Существует одна проблема, омрачающая отношения Израиля с Россией, — российская военная помощь Ирану. Израиль видит в Иране угрозу своему существованию, причины которой подробно описаны в предыдущей главе этой книги. Россия оказывает помощь Ирану в технологиях, критичных для продвижения проектов в ядерной области, и тем самым вносит свой вклад в иранский проект, угрожающий существованию государства Израиль. Мы прекрасно понимаем, что у этой помощи есть солидное денежное вознаграждение. Но мы не понимаем, как Россия берет на себя огромный риск, не учитывая, что такая фанатичная, догматичная, геократическая страна,

находящаяся непосредственно на ее южной границе, будет обладать ядерным оружием. Ракета «Шихаб-3», радиус которой 1300 км, уже находится в оперативном использовании, и она угрожает как Израилю, так и другим государствам, находящимся в ее радиусе действия. Однако сейчас Иран разрабатывает баллистические ракеты, радиус поражения которых 2000, 5000 км и даже больше. Иран приобрел у Украины подводные ракеты, радиус действия которых 3500 км. Эти ракеты способны поражать цели далеко за пределами Израиля. Нельзя объяснить их разработку только реализацией стратегии режима Аятоллы, как не раз было высказано публично: защитить каждое мусульманское меньшинство или организацию, в любом месте мира. Ядерное оружие, установленное на ракетах дальнего действия, может быть направлено на цели в самой России. Верно, что ядерная мощь России превосходит в десятки раз все, что Иран в состоянии разработать и создать. Но нужно помнить, что речь идет о религиозном фанатическом режиме, способном на нерациональные поступки.

Есть признаки, свидетельствующие о другой точке зрения в Москве в отношении Ирана и помощи, которая ему оказывается. Чем быстрее Россия поймет, что Иран является угрозой также и для нее и следует соответствующим выводам, тем быстрее исчезнет «тяжелое облако», мешающее отношениям тесного партнерства между Россией и Израилем.

Учитывая геополитический статус Израиля, мы абсолютно уверены, что укрепление партнерских отношений с Россией в различных областях, и особенно в борьбе против террора всемирного «джихада», положительно скажется на усилении наших позиций.

Глава 9

ИЗМЕНИТСЯ ЛИ МИР?

11 сентября 2001 года в 6:30 утра я приземлился в аэропорту «Ла Гардиа» после ночного перелета из Лос-Анджелеса. Алон Пинкас, в то время генеральный консул Израиля в Нью-Йорке, доставил меня в город. По дороге он указал мне на четко очерченную линию горизонта, освещенную, словно на открытке, светом восходящего солнца. На севере выделялась покатыя крыша Ситикорп-билдинг, а за ней — точеный силуэт Эмпайр-стейт-билдинг. А на юге сверкали белые башни-близнецы, возвышавшиеся над южным деловым районом Манхэттена. Я и представить себе не мог, что вижу нью-йоркское небо таким в последний раз.

Спустя пару часов я стоял на трибуне антидиффамационной лиги (АДЛ) Бней Брит, оглашая последнюю информацию о деятельности этой серьезной еврейской организации, направленной на обуздание террора против Израиля. В тот момент, когда я собирался ответить на последний вопрос аудитории, Симона Франкель, вице-консул в Нью-Йорке, вручила мне записку, в которой содержалась просьба о том, чтобы я преврал выступление с тем, чтобы предоставить слово Кену Джекобсону, вице-президенту АДЛ, которому предстояло сделать важное сообщение. Меня немного смутила такая беспрецедентность, но я освободил трибуну.

Джекобсон сообщил изумленной публике, что за несколько минут до этого два самолета врезались в здания «Близнецов». Я вернулся на трибуну и сделал заключительный комментарий к своей речи. Я не уверен, что ошеломленная публика его ухватила.

«Евреи — первые жертвы зла, — сказал я, — но не последние. Тот, кто причиняет зло евреям, в итоге причинит его всему миру. Так было с нацистами, так происходит и с исламским террором».

Я выдвинул предположение, что то, что два самолета врезались в символ американской экономики, не является случайностью, и, скорее всего, эта катастрофа произошла в соответствии с дьявольским планом террористической организации. Спустя всего несколько минут пришли вести о катастрофе в Пентагоне, и почвы для сомнений больше не осталось. Я вышел на улицу и посмотрел на юг. Небо было сплошь покрыто дымом, валившим из «Близнецов». После того как они рухнули, облако пыли и дыма достигло неимоверных размеров.

Шимон Перес, в то время министр иностранных дел Израиля, позвонил мне и попросил, чтобы я взял на себя заботы по координации деятельности израильских служб в Нью-Йорке. Я провел телефонную беседу с генералом авиации Даном Хагуцем, бывшим тогда командующим ВВС Израиля, и мы вместе пришли к выводу о необходимости закрытия воздушного пространства Израиля до тех пор, пока не станет точно известно, что данная террористическая операция не носит международного характера и ее география не охватывает Израиль. Я поспешил к нашему посольству на Второй авеню и созвал заседание высших чинов во главе с консулом Алоном Пинкасом. Нашей первоочередной задачей было выяснить, у каких израильских компаний были офисы в «Близнецах». Мы испытали облегчение, узнав, что таких компаний не

было, судя по документам компании «Zim» съехала оттуда всего за несколько недель до терактов. Согрудники посольства связались с израильтянами, находившимися в Нью-Йорке и их семьями в Израиле. Мы точно знали о наличии двух израильтян, которые работали в рухнувших зданиях и контакт с которыми был потерян.

Тысячи людей направились к северу по улицам Нью-Йорка. Метро замерло, остановились поезда. Офисы закрылись, и служащие направились домой в северный Манхэттен и — через мосты — в другие районы города. У некоторых из них одежда покрывалась белой пылью, выброшенной при взрыве и последовавшем за ним разрушении зданий. К наступлению второй половины дня город опустел, и даже толпы людей, собравшихся у телеэкранов в магазинах электроники, рассеялись. Тайм-скуэр, обычно многолюдная, была пустынная, словно израильская улица в Йом Кипур. Я прошел по площади, так и не заметив ни одного проезжавшего мимо автомобиля, словно я пребывал в каком-то сюрреалистическом мире.

К этому моменту стали понятны масштабы катастрофы и глубина, на которую в американском обществе пустило корни террористическое подполье. Американцы в одно мгновение осознали, насколько уязвимо их демократическое общество и сколь хрупка их безопасность. Я надеялся, что наконец-то они поймут, что мы испытываем, живя в Израиле в течение всей жизни, и даже — не надо далеко ходить — что мы испытали за последний год до чудовищного теракта в США. Еще с 1950-х годов, с детства, я помню, как фелайны, арабские террористы, пересекавшие нашу границу, сеяли террор среди мирных жителей. Как кадровый офицер, я в течение почти шестнадцати лет принимал участие в операциях, направленных против палестинского и арабского террора. И вот сейчас я явля-

юсь свидетелем крупнейшего в истории теракта — на американской земле.

4 июля того же года, за два месяца и неделю до террористического нападения на американские небоскребы, я опубликовал статью в газете «Джерузалем пост». Это была 25-я годовщина легендарной операции по освобождению израильских заложников в Энтеббе, в которой я принимал участие в качестве командира медицинской бригады десантников. В своей статье я расуждал о трех изменениях, которые коснулись терроризма со времен операции в Энтеббе. Первое — террор потерял национальность и приобрел религиозную окраску. Второе — террор стал угрожать жизни большего числа людей из-за того, что теракты совершают смертники и используют мощные взрывные устройства, вследствие чего количество человеческих жертв, уносимых одним терактом, значительно возросло. И, наконец, теракты более не преследуют цели привлечь внимание мировой общественности к национальным проблемам или продвигаться по пути их решения. Разрушение и смерть превратились в самоцель террора — его итог, а не средство.

В заключение я выразил надежду, что США возглавят международную борьбу против террора. Как я уже заметил, было это за девять недель до теракта.

В прошлом террор рассматривали как досадное явление, которое, невзирая на уносимые им человеческие жизни, не представляет стратегической угрозы. Так можно было охарактеризовать палестинский террор 1960—70-х годов. В терактах, даже самых чудовищных и памятных каждому израильтянину — нападении на школьный автобус в мошаве Авивим (1970), убийстве школьников в Маглоте (1974), теракте на прибрежном шоссе Хайфа—Тель-Авив в марте 1978 года, — отсутствовала стратегическая значимость. Современный террор, религиозный по характеру и более

масштабный по количеству жертв и пострадавших, обкладает стратегической значимостью в силу своего непреходящего влияния на общество и экономику.

Сегодня граждане нуждаются в личной безопасности, и им трудно смириться с тем, что правительство не всегда способно ее обеспечить. После серии массированных террористических нападений правительство — любому правительству — приходится предпринимать решительные шаги — только бы успокоить народ. Когда террористическая организация может вынудить правительство делать такие шаги, на которые оно в других условиях никогда бы не пошло, вот с этого момента террор становится «стратегическим», он способен диктовать правительству линию поведения. Страшный пример — террористическая организация «Хамас», которая в центре Израиля, когда автобусы взрывались вместе с пассажирами в Иерусалиме и Тель-Авиве, создал такой политический климат, в результате которого лидер партии «Авода» и глава правительства Шимон Перес потерпел поражение на выборах 1996 года, и к власти пришел лидер партии «Ликуд» Биньямин Нетаньягу. Иными словами, посредством терактов «Хамас» добился своей стратегической цели, а именно: остановил мирный процесс. Это пример того, как теракты перерастают в стратегический террор.

Террор также стремится нанести удар по экономике. Например, теракты, осуществленные исламистами против туристов в Каире, Луксоре и на Синайском полуострове, нанесли сильный удар по туристическому бизнесу в Египте, что выразилось в многомиллиардном ущербе экономике страны. Вне всякого сомнения, нападение на «Близнецов» является стратегическим террором первого порядка,

который нанес мощный удар по экономике США в целом, авиабизнесу и городу Нью-Йорк в частности.

Таким образом, современный террор следует рассматривать как стратегическую угрозу в силу его масштабного влияния на экономику (прямой экономической ушиб, отпугивание инвесторов, разрушение индустрии туризма и т.д.) и общественные настроения, а также из-за пагубных в политическом плане решений, которые он вынуждает принимать правительство.

В войне с террором нет быстрых решений. Чем более он изолирен, тем лучше удается главарям внедрить его в окружающую среду, тем тяжелее наносить по нему удары и выбить у преступников почву из-под ног. Поэтому точные и своевременные действия секретных служб здесь приобретают исключительное значение. Это наиболее эффективный и приемлемый, с моральной точки зрения, способ ведения войны с террором.

После 11 сентября США объявили войну террору. Облетела ли эта война борьбу Израиля с террором палестинским? Для нас этот вопрос является ключевым, но ответ на него непрост. Без сомнения, Израиль стал лучше понимать. Организация, ведущие борьбу против нас, были внесены в американский «черный список», по крайней мере, в список, связанный с финансовыми и административными ограничениями.

Несмотря на это, нам не следует обольщаться. Оперативной целью военных кампаний США был разгром режима талибана в Афганистане, разрушение и ликвидация лидеров «Аль-Каеды», которая стояла за терактами 11 сентября. Целью следующей войны было свержение Садама Хусейна. Ясно, что США продолжат охоту на плававшей террористических организаций и пойдут даже на нанесение непосредственных ударов по базам террористов в различных государствах.

Тем не менее остается ряд вопросов. Будут ли ужесточены санкции против Ирана, который финансирует, вооружает, тренирует и направляет деятельность террористических организаций, таких как «Хамас», «Исламский джихад» и «Народный фронт освобождения Палестины»? Потребуют ли США, чтобы Сирия выследила их штаб-квартиры из Дамаска? Станет ли вопрос о предоставлении американской и международной помощи Ливану на условии разоружения «Хизбаллы»? В тот момент, когда пишется книга, ответы на эти вопросы еще не ясны.

Возможно, действительность превзойдет наши ожидания, но практически мы должны исходить из того, что нам придется продолжать борьбу с этими террористическими организациями в одиночку. Никто не выполнит за нас нашу работу. Нам нужно как можно скорее это осознать. Не следует настаивать на признании США приоритета израильских задач над своими, отличными от наших. Мы должны с уважением относиться к их приоритетам и содействовать США в их борьбе с террором, в то же время, однако, настойчиво объясняя и наши доводы, и конкретные шаги в этой борьбе.

Проявить солидарность с нашими союзниками, оказывать им посильную помощь, не забывая о себе, полагаясь исключительно на себя, — вот наши основные задачи в условиях антитеррористической войны против регионального и международного террора, начавшейся после 11 сентября 2001 года.

Глава 10

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

В предыдущих главах я обозначил круг опасностей и угроз, нависших над нашим регионом. Я остановился на иранской угрозе и наших отношениях с Сирией, которые колеблются между возможностью заключения мира и угрозой конфронтации. Эту главу я назвал «Предупреждение», поскольку здесь я буду говорить о стране, которую аналитики, как правило, не принимают во внимание. Но в один прекрасный день эта страна может стать для нас серьезной угрозой.

Речь идет о Саудовской Аравии. На протяжении многих десятилетий это королевство являлось важнейшим стратегическим союзником США в регионе, невзирая на то что их отношения, скажем так, были очень необычными.

Со времен Абд эль Аиза ибн Сауда, основателя династии Саудитов, США не разделили с правителями Саудовской Аравией тех демократических ценностей, которые объединяют их с Израилем. Саудовская Аравия никогда не занимала лидирующих позиций в арабском мире, в отличие от Египта. Но в распоряжении Саудовской Аравии есть нефть: под песками хранится четверть мировых запасов. Несмотря на то что лишь десятая часть нефти, потребляемой в США, прибывает из Саудовской Аравии, она играет ключевую роль в установлении цен за баррель на мировом рынке, и этим объясняется ее жиз-

ненная необходимость для США. Отношения США и Саудовской Аравии можно назвать тесными, но и противоречивыми, и нефть скрепляет эти узлы. Принц Бандар, вот уже три десятилетия занимающий пост посла Саудовской Аравии в Вашингтоне, является одним из самых влиятельных фигур в столице, он располагает к тому же обширными связями.

Благодаря этим отношениям Саудовская Аравия обладает впечатляющей современной военной мощью на базе последних достижений американской военной индустрии. Согласно Яффскому центру стратегических исследований при Тель-Авивском университете, за пятилетний период между 1994 и 1998 годами Саудовская Аравия израсходовала на нужды обороны 77 миллиардов долларов, тем самым вдвое превысив сумму расходов Израиля на обеспечение безопасности за то же время. В распоряжении ВВС Саудовской Аравии 355 боевых самолетов, треть которых составляют «Торнадо» и половину — F-15. Они оснащены передовой боевой техникой и ракетами класса «воздух-воздух» и «воздух-земля» производства США.

На вооружении находятся и 5 самолетов-разведчиков, оснащенных системой раннего предупреждения, класса AWACS воздушного дальнего радиолокационного обнаружения, а также семнадцать самолетов-заправщиков, предназначенных для дозаправки топливом в воздухе, что способствует увеличению дальности полетов истребителей-бомбардировщиков. Я привожу данные о ВВС Саудовской Аравии не только в качестве примера военной силы, но и потому, что это имеет важное значение в контексте стратегической безопасности Израиля.

Некоторые изменения произошли после 11 сентября 2001 года. Тот факт, что 15 из 19 террористов, причастных к мета-терактам в США, были выходцами из Саудовской Аравии, ошеломил как американцев, так и саудийцев. Но Саудовская Аравия не позволила США восполь-

зоваться американскими военными базами на своей территории в целях нападения на талибов в Афганистане. Все это, наряду с умеренной поддержкой США в их войне с терроризмом в целом, свидетельствует о двойной игре, которую ведет правительство Саудовской Аравии вот уже несколько лет. Стало ясно, что в течение достаточно долгого времени саудийцы оказывали активное содействие не только распространению ислама, но также и исламским террористическим организациям. За последние годы при финансовом содействии Саудовской Аравии в различных странах мира, включая и республику бывшего СССР, было открыто 1600 мечетей и основаны десятки исламских университетов и колледжей. Но она не ограничилась распространением ценностей консервативно-ислама. Саудовская Аравия финансирует деятельность исламских террористических группировок в Чечне, Кашмире и бывших республиках Югославии и, разумеется, палестинских террористических организаций. Она пожертвовала 600 миллионов долларов на восстановление мусульманской Боснии, и, предположительно, часть из этой суммы отправилась к террористическим организациям, включая «Аль-Каеду».

Почему же королевский дом Саудовской Аравии на это идет? Простейшим объяснением этому могло бы послужить то, что саудийцы якобы покупают себе безопасность, привлекая внимание террористических организаций к другим аренам, тем самым получая гарантию того, что те не станут осуществлять свою деятельность на ее территории. Объяснение, в соответствии с которым саудийцы вносят «взносы на безопасность», справедливо, но не исчерпывающее. Существует глубинное объяснение, в особенности массированной индустрии повсеместного распространения консервативного ислама и неприятия политики активной борьбы с террором, осуществляемой США. Саудовская Аравия разорвала отношения с режи-

мом Талибана только спустя две недели после теракта 11 сентября. Лишь два государства в мире, помимо Саудовской Аравии, признавали этот режим с момента его возникновения.

В недрах правящей династии процветает оппозиция. Это результат не только падения уровня жизни в Саудовской Аравии (головной внутренней валовой продукт на душу населения за последние годы упал с 20000 долларов в год до 8000 долларов в год) и не только коррупции, пустившей корни в Королевском доме и правящем классе. Ваххабитская секта, являющаяся ядром власти и духовного влияния в стране, до глубины души возмущена вседозволенностью, бытующей среди членов Королевского дома, особенно когда речь идет о регулярных поездках в Европу и США.

Они недовольны тем, что государство управляется не полностью в соответствии с суровыми законами ислама. Не исключено, что финансовая поддержка, осуществленная Королевским домом, является своего рода «отступным за грехи». Не известно, как долго династия саудитов будет удаваться удерживать одновременно США и оппозиции в собственной стране. В интервью с Усамой Бин Ладеном, записанном после 11 сентября, глава «Аль-Каеды» обозначил две цели в войне с США: покончить со страданиями палестинского народа и очистить мусульманские земли от неверных. Под последним подразумеваются вывод палестинского американского контингента из Саудовской Аравии. Американский контингент находится в Саудовской Аравии со времен войны в Персидском заливе в 1991 году, а в 2003 году США приняли решение о передислокации своих сил в других странах Персидского залива для того, чтобы снять внутреннее напряжение в Саудовской Аравии и не подвергать риску безопасность своих солдат.

Так вот, в чем заключается мое предупреждение: мало того, что нет гарантии стабильности нынешнего саудовского режима. Следующей стратегической целью Усамы Бин Ладена и его сторонников может стать падение режима и освобождение страны из-под американского влияния.

Примерно 25000 саудовцев, сражавшихся на стороне исламских боевиков в Афганистане, Чечне и Боснии, вернулись домой и могли бы послужить будущим кадровым резервом, закаленным в террористической борьбе. Не следует забывать, что и сам Бин Ладен — саудиец, покинувший родину, и не трудно предположить, что в его намерения входит вернуться на родину. Но даже если спешарий возвращения «террориста №1» в Саудовскую Аравию и представляется невероятным, нельзя игнорировать факт роста недовольства молодого поколения саудийцев Королевским домом. Это безработные, отчаявшиеся молодые люди, которые находятся под воздействием отлаженной системы ваххабитской пропаганды. Страна приблизилась к грани фундаменталистской революции.

Приход к власти в Саудовской Аравии сторонников Бин Ладена или других фанатиков-исламистов может сильно ударить не только по США, но и по всему демократическому миру. В таком случае около половины мировых запасов нефти окажется в руках государств, проводящих политику экстремизма: Ирана и Саудовской Аравии. Именно они будут диктовать цены на нефть и тем самым держать за горло весь Западный мир. Израилю в этом случае придется пополнить список врагов еще одним государством, на военную мощь которого нельзя закрывать глаза. Это уже предупреждение Израилю. Несмотря на то что шансы такого переворота призрачны, вынужден снова подчеркнуть: в этом нестабильном регионе возможно все.

Защищенные границы

Говоря об условиях заключения мира с Сирией, я подробно объяснил, что подразумевается под понятием «защищенная граница», когда речь идет о потенциальном «сирийском фронте» ведения военных действий. Следует примитивное мнение, что в век ракет и точных средств воздушного нападения наземная граница теряет свою значимость. Серьезное заблуждение. Как правило, на нем основываются те, кто готовит идеологическую почву для безответственных территориальных уступок.

Я могу одобрить территориальные уступки, но лишь в тех случаях, когда они оправданны. И сегодня территория не теряет своей важности. Опасность для суверенитета Израиля кроется в том, что его враги при неожиданном нападении могут довольно быстро продвигаться к густонаселенным районам страны, преодолев относительно небольшой участок территории. Именно это могло произойти в 1967 году, и именно это чуть не произошло в 1973 году, если бы сирийские танки продолжили стремительное продвижение на запад, не будь они остановлены нашими вооруженными силами.

Наши потенциальные противники знают, что Израиль превосходит их в военно-воздушной и огневой мощи. Израильские ВВС способны уничтожить любого врага при наличии необходимого для этого времени, если только им не придется вести борьбу одновременно на нескольких фронтах боевых действий. Только в случае наземной войны у врагов Израиля есть два относительноных преимущества, которые могут быть использованы против нас: относительно небольшая регулярная армия Израиля и большая протяженность наземной границы. Недостаток в живой силе объясняется тем, что мы — нация небольшая и численность нашей регулярной армии, согласно информации Яффекого центра стратегических

Глава 11

ДВА ОСНОВНЫХ УСЛОВИЯ

В предыдущих главах я постарался представить наиболее широкий спектр возможных угроз и опасностей, которым подвержен Израиль.

Среди них и ныне активно действующие, и подрастающие нас за поворотами исторического развития факторы.

В этой и последующих главах я выскажу свою точку зрения на то, какие стратегические, оборонные и государственные меры следует, на мой взгляд, принять Израилю для того, чтобы не дать возможным опасностям материализоваться, — опередить их проявление. Это и будет моим ответом на вопрос: каковы методы безопасной навигации в опасной зоне.

Даже с наступлением мира между Израилем и палестинцами, а также с непосредственным арабским окружением, наш регион все равно останется нестабильным и полным опасностей. Поэтому в обозримом будущем, при любой создавшейся ситуации, какой бы она ни была благоприятной, Израилю нужны два условия для стабильного мира и обеспечения безопасности своего будущего: жизнеспособные и надежно защищенные границы и общее военное превосходство.

Я останавлиюсь на каждом из них в отдельности.

исследований, составляет 186000 человек. У непосредственных соседей Израиля численность армий значительно выше. У Сирии — 380000 солдат, Иордании — 94000, Египта — 450000, Ливана — 51000 (данные на 2002 год). Эти цифры наглядно показывают, что численность израильской регулярной армии невелика в сравнении с армиями соседей. Основная сила израильской армии — в резервистских подразделениях.

Мобилизация резервистов наносит удар по израильской экономике и отрицательно сказывается на психологическом климате общества. В связи с этим правительство Израиля выступает за всеобщую мобилизацию лишь в тех редких случаях, когда вероятность войны представляется высокой. Это тяжелое, серьезное решение. В связи с этим Армия Обороны Израиля (ЦАХАЛ) доверяет рутинные операции по обеспечению безопасности регулярной армии, пытаясь свести к минимуму военные операции с помощью резервистов. Из-за протяженности израильской границы любая тревога, любой знак надвигающейся войны является поводом к передислокации регулярной армии или мобилизации резервистов.

Серьезная попытка нападения на Израиль в будущем может быть предпринята коалицией государств, причем не обязательно непосредственных соседей Израиля. Нападение на Израиль по периметру его протяженной границы может позволить врагам создать количественное преимущество на каком-либо ее участке и попытаться прорвать полосу обороны главным образом путем внешнего нападения, которое бы не оставило временного зазора для призыва резервистов. Поэтому Израилю нужна граница с такой топографией, которая бы позволяла защищать ее минимальными силами. Например, конт-

роль над переправами через реку Иордан, даже при условии привлечения минимального контингента, облегчит задачу своевременного обнаружения атаки врага и даст возможность ее отразить.

Защищенная граница должна обеспечивать возможность своевременно отслеживать все передвижения и военные маневры неприятеля, лишая, таким образом, врага военного преимущества при неожиданном нападении, и при этом обходиться минимальным личным составом.

Общее военное превосходство

Что означает «общее военное превосходство»? Это комплекс преимуществ — военных, разведывательных служб и технологических — над силами региональной коалиции, которая может быть сформирована против Израиля. Мы должны обладать преимуществом над силами любого потенциального врага и объединенными силами возможной антиизраильской коалиции.

Смысл военного превосходства очевиден: содержание боевых частей таким образом, чтобы их было достаточно для ведения войны, хотя бы оборонительного характера, на всех участках одновременно и возможности перехода в контрнаступление по крайней мере на одном из участков фронта. Наши силы должны быть достаточно мобильными для того, чтобы мы могли быстро передвигаться от одного сектора к другому. Это количественные показатели. Качественное превосходство, разумеется, означает высокий профессионализм — как в боевых частях, так и в частях тылового обеспечения.

В силу того, что основную часть израильской армии составляют резервисты, Израиль должен делать все возможное для поддержания уровня профессионализма так называемых солдат запаса. От граждан, работающих учи-

телями, банковскими служащими или водителями автобусов, может внезапно потребоваться заняться погружкой танковых снарядов, управлять противотанковой ракетой или боевым самолетом. В связи с этим необходимо регулярно призывать резервистов для проведения боевых учений.

Исключительную роль в качественном превосходстве (именно в этом и заключается секрет превосходства) играет профессионализм командования. Своей победе в войне Судного дня мы во многом обязаны высочайшему профессиональному уровню наших полковых командиров, в особенности в боевых частях. Поддержание высокого профессионального уровня командного состава требует не только регулярной подготовки, но и воспитания элиты офицерского корпуса, при поддержке высшего командного состава ЦАХАЛа и руководства страны.

Существует также невидимая, едва ли поддающаяся измерению, но чрезвычайно важная составляющая поддержания профессионализма армии резервистов. Это коллективная мораль. Мужчины и женщины, прошедшие службу в каждом резервистском подразделении, должны не только обладать навыком работы в команде, но и постоянно ощущать, что их работа оценивается по достоинству командованием и страной в целом. Поэтому необходимо не только проводить учения для солдат-резервистов и не только обеспечивать их надлежащим оснащением, но также создавать все условия для их совместной деятельности и обеспечить им, по мере возможности, организационный переход из условий мирной жизни к военным будням и наоборот.

В бытность мою на посту заместителя министра обороны я предложил проект «Закона о стойкости и силе». Этот закон был призван оказать поддержку резервистам,

главным образом тем, кто ежегодно призывается на длительный период, например командному составу и заместителям ключевых военных профессий.

Тогда у меня возникли проблемы с проведением этого законопроекта в парламенте отчасти потому, что министерство финансов выступило против него. Двадцати месяцев, проведенных мною на этом посту, оказалось недостаточно для претворения этого законопроекта в жизнь. Он был официально представлен к рассмотрению Кнессета правительством, в котором я занимал уже пост министра транспорта, а несколькими годами позже являлся членом кабинета безопасности. Надеюсь, что придет время, когда этот проект, так же, как и проекты других законов, защищающих интересы резервистов, обретет статус закона.

Военное превосходство требует, разумеется, не только поддержания боевого состава и его профессионального уровня, но также и вооружения армии и ее оснащения новейшими видами вооружения. Причем вооружения более передового, чем аналогичные системы потенциальных агрессоров.

В связи с этим следует поговорить о технологическом превосходстве. Это превосходство означает необходимость разработки и производства Израилем нового оружия и систем боевого обеспечения, таких как авионика, радары, средства радиоэлектронной борьбы, управляемые ракеты, беспилотные самолеты, а также спутниковых технологий, которые превосходили бы системы и оружие, находящиеся в распоряжении других государств региона. Мы также не должны терять технологической способности «ошарашивать» противника неожиданными для него ударами. Враги должны понять, что при любом столкновении они будут вынуждены иметь дело с новей-

шим израильским оружием и системами, которым они не в состоянии противостоять и которые смогут решить исход сражения в нашу пользу, будь то на море или на суше.

На сегодняшний день оборонная промышленность Израиля занимает одно из ведущих мест в мире. Нам удается достичь технологического преимущества лишь собственными усилиями. Американские и европейские передовые системы вооружения попадают в арабские государства, но они есть и у нас. Однако их наличие не делает нашу армию особенной. Лишь то оружие, которое мы производим сами — без партнеров, — способно поразить противника в случае военного конфликта. Мы не можем быть уверены в том, что произведенное не нами не попадет в нежелательные руки.

Более того, использование оружия, которое мы производим совместно с нашими союзниками, налагает на нас ряд ограничений. Для его использования необходимо получить согласие партнера, который, в свою очередь, является нашим конкурентом на рынке вооружений. Иногда наша военная промышленность вынуждена продавать передовую продукцию, рискуя тем, что технология попадет во вражеские руки, лишь для того, чтобы финансировать разработку следующего поколения того же оружия. Когда я возглавлял комиссию Кнессета по парламентскому контролю над Армией Обороны Израиля и структурами безопасности, я выступил против экспорта противотанковой ракеты «Гомед» в одно восточноевропейское государство. Я опасался, что, попадая эта ракета в руки террористической организации, у нас возникнут те же проблемы, что и у американцев с ракетой «Stinger».

Американцы продавали запускаемую «с плеча» противовоздушную ракету в больших количествах афганцам

во время их войны с СССР. Некоторые из этих ракет попали в руки террористических организаций и теперь представляют опасность для американской авиации.

Но как заместитель министра обороны я узнал, что без экспорта «Гомеда» и «Гилы» (противотанковой ракеты того же разряда) флагман нашей военной промышленности «Рафаэль», авторитет в области разработки оружия, не выживет экономически. Так, по иронии судьбы, я выступил в роли продавца той самой ракеты, разглашения секретов производства которой сам же опасался.

Таким образом, поддержание оборонной промышленности на высочайшем уровне является для Израиля жизненной необходимостью. Без сильной промышленности мы не сможем поддерживать технологическое превосходство, а без технологического превосходства у нас не будет ни военного превосходства, ни уверенности в нашей безопасности.

Важную роль в развитии оборонной промышленности играет экспорт. По ряду причин относительная доля заказов ЦАХАЛа и министерства обороны в структуре отрасли упала. Более 70% продукции изготавливается на экспорт в негетских условиях глобального рынка, в условиях конкуренции, например, с такими гигантами индустрии, как американские «Локхил Мартин» и «Боинг». За последние годы экспорт израильской военной техники возрос и составляет сегодня около 2,25 миллиардов долларов в год. По некоторым подсчетам, для своего дальнейшего развития оборонная промышленность должна поднять экспорт до 3—4 миллиардов долларов. Для этого необходима координация государственных мер, равно как и ослабление конкуренции среди израильских компаний. В результате конкуренции, при которой две израильские компании злобно нападают друг на друга,

зачастую третья, иностранная компания, вытравывает тендер. Однажды, в бытность мою заместителем министра обороны, одна израильская компания привезла министра обороны одной из африканских стран в Израиль и спрятала его в укромном месте с тем, чтобы никто из администрации конкурирующей израильской фирмы не смог с ним встретиться. Спусти некоторое время история повторилась уже с другим министром обороны, и на сей раз его укрывала другая компания. В то же время наблюдаются и тенденции к лучшему. Например, объединившись, «Эльбит» и «Эль-Оп» создали большую компанию, более конкурентоспособную на глобальном рынке. Хочется надеяться, что тенденции к слиянию компаний и сотрудничеству будут развиваться.

Министерства обороны, иностранных дел, промышленности и торговли, а также глава правительства должны поощрять экспорт оборонной продукции из Израиля. За 20 месяцев пребывания в должности заместителя министра обороны я встретился с тридцатью главами государств и министрами обороны из семнадцати стран с тем, чтобы увеличить объем экспорта оборонной продукции. Это неблагодарный труд, однако и он порой приносит удовлетворение. Во время посещения в Париже авиационного салона в 2001 году я с удовольствием наблюдал за тем, как израильский летчик-испытатель демонстрировал фигуры высшего пилотажа на истребителе «Сухой-25», усовершенствованном «Эльбитом». Я помню свой разговор с президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе в иерусалимской гостинице «Паром» за два года до этого. «Что вы производите?» — спросил я президента. «Истребитель “Сухой-25”, — ответил он, добавив, что самолет так и не нашел своего покупателя. «Может быть, поработаем над этим вместе?» — предложил я.

«Дадно, давайте попробуем», — ответил он. «Попытка не пытка», — сказал я по-русски, завершая наш разговор русской поговоркой, которую услышал много лет назад от своей бабушки. В результате этого разговора появились на свет усовершенствованный истребитель «Сухой-25», который, насколько я слышал, не испытывает недостатка в покупателях.

На той же самой выставке в Париже израильские предприятия по производству авиатехники представили «ЭРОС» (EROS) — коммерческий спутник, осуществляющий наблюдение за промышленными объектами (commercial observation satellite). Я подумал: есть ли еще на свете другая, немногим более чем шестимиллионная нация, которая бы смогла запустить такой спутник в космос?

Что означает «разведывательное преимущество»? Это понятие включает в себя два ключевых вида превосходства: военное и технологическое.

Нам нужны превосходные профессионалы и современные технологические средства сбора информации, но это еще не все. Мы должны обладать способностью получать информацию о планах нападения на нас задолго до воплощения этих планов, чтобы нас не застали врасплох. Более того, мы должны быть в курсе всех тактических и технологических возможностей противника.

К тому же мы должны уметь вовремя разобратся в том, что происходит вокруг Израиля в данный момент времени. Речь идет не только о наших непосредственных соседях, но и обо всей стратегической территории, простиравшейся от Каспийского моря до Африканского рота. Чрезвычайно важно уметь разобратся в происходящих процессах и проанализировать тенденции, для того чтобы взять адекватный политический курс. Разведыватель-

ное преимущество предполагает наличие в нашем распоряжении оперативно поступающей информации — чем раньше, тем лучше — с одной стороны и фактическое отсутствие информации о нас — с другой стороны. Для этого нам необходимы средства сбора разведывательных данных дальнего радиуса действия, включая спутники, а также привлечение лучших разведывательных умов». Как привлечь к работе в оборонной индустрии в целом и к разведке в частности лучшие кадры — должно решать наше правительство. Об этом я расскажу в заключительной главе.

В заключение повторю еще раз: общее военное превосходство — одна из двух составляющих, необходимых для выживания Израиля и для достижения стабильного мира. Мы не можем себе позволить отказать ни от военного превосходства, ни от жизнеспособных границ. Военного превосходства на границе, которую трудно заштитить, недостаточно, и победа на незащищенной границе нам достанется ценою большой крови. Защищенную границу, какой бы хорошей она ни была, без военного превосходства, которое бы ее «прикрывало», непременно «прорвут». Лишь сочетание этих двух факторов может помочь нам избежать положения мишени для агрессоров, обеспечит сдерживание и — в случае провала политики сдерживания — позволит нам одержать еще одну решительную победу.

Но прежде, чем перейти к главе, повествующей о сдерживании, я должен нанести несколько заключительных штрихов на эту картину. Защищенная граница и военное превосходство — два условия, необходимые для выживания Израиля. Раз уж речь идет о стабильном мире, то существует еще один фактор стабилизации — общие экономические интересы. Эти интересы не способству-

ют стабилизации безопасности, но бесспорно являются фактором, стратегически способствующим стабилизации обстановки. Общие экономические интересы поддерживают состояние мира, снижая мотивацию к возобновлению военных действий даже при наличии роста напряженности. Чем более связаны между собой экономика Израиля и ее соседей, тем больше оснований для поддержания мира. Если массы, а не только деловые круги в арабском мире, увидят, что сотрудничество и мир с Израилем положительно сказывается на их доходах, их враждебность к Израилю начнет рассеиваться.

Думаю, одной из причин того, что Арафат с легкостью пошел на вторую интифаду, является то, что его народу было абсолютно нечего терять. После подписания Норвежских соглашений не было ни одного серьезного совместного экономического проекта, который бы был выгоден палестинцам. Можно было рушить все, что угодно: ни одно из разрушений не нанесло палестинцам серьезного экономического ущерба. Единственное, что было отстроено до интифад, — это аэропорт Дахания в секторе Газа. Во время интифад мы то закрывали, то открывали аэропорт, что ударило лишь по тонкому слою палестинской элиты, но не по народу.

Если же в рамках будущего соглашения о мире будут созданы совместные экономические проекты, такие как железные дороги, аэропорты, трубопроводы, туристический бизнес и водопроводные сооружения, то отношения между двумя народами потеплеют, а мотивация к ведению войны ослабнет. У нашего партнера появятся стимулы к борьбе с террором, который будет угрожать этим проектам. Некоторые называют идеи об «обновленном Ближнем Востоке» воздушными замками, но я с этим не согласен. Вне всякого сомнения, существует огромный

потенциал для экономического сотрудничества в мирное время, и у такого потенциала есть своя положительная динамика. Я думаю, что палестинно-израильское соглашение является достаточным основанием для создания — при участии также и Иордании — исключительно плодотворного экономического треугольника. Экономика будет способствовать стабилизации мира. Но я ни на секунду не забываю сам (и не позволю об этом забыть другим) о том, что если Израиль будет уязвим и слаб, то единственно возможным для него миром станет тот мир, что воцаряется над кладбищем.

Глава 12

НОВОЕ СДЕРЖИВАНИЕ

Сначала ответим на вопрос: а что подразумевается под «старым сдерживанием»? С 1950-х годов израильское сдерживание было направлено против объединенных армий арабской коалиции. Первый глава правительства и министр обороны Израэля Давид Бен Гурцион, наряду с другими руководителями министерства обороны тех лет, был обеспокоен тем, что в один прекрасный день коллечественные показатели боевых сил арабских армий (солдаты, танки, артиллерия и самолеты) одержат верх над качественными показателями ЦАХАЛа. Баланс сил склонился настолько не в нашу пользу, наши границы были столь уязвимы, а государство таким маленьким, что многим не терпелось стереть его с лица земли. На этом фоне Израиль и построил себе имидж государства, сдерживающего агрессию путем устрашения.

Основу этого устрашения составляло молчание по поводу того, чем мы занимаемся в своем Центре ядерных исследований, расположенном в городе Димоне. Гадания по этому поводу навевали на арабов ужас. Запутивание срабатывает вот уже сорок лет. Официальный Израиль по-прежнему не дает никакого ясного ответа на постоянно возникающие вопросы о наличии или отсутствии у него ядерного оружия. Даже тогда, когда в прессе появлялись сообщения о том, что, возможно, происходило в

Центре ядерных исследований, включая и откровения Мордехая Вануну, бывшего сотрудника Центра, пребывавшего много лет в местах лишения свободы за разглашение государственной тайны. Мы исключали и исключаем любую возможность разглашения информации о деятельности в этой сфере.

Но, вероятно, скоро ситуация изменится. Как я уже говорил, возможно, к 2009 году или даже ранее Иран будет обладать ядерным оружием. Таков прогноз разведывательных служб Запада, но даже если это и произойдет годом-двумя позже, их основное предсказание о том, что в течение этого десятилетия Иран станет ядерной державой, остается в силе. Авторы концепции устрашения не рассчитывали на то, что враждебное государство обзаведется ядерным оружием. Наличие ядерного оружия в руках такого государства радикально меняет баланс сил Израиля и его арабских соседей. Жизнь в Израиле может начать походить на жизнь в Кирьят-Шмоне, городе на Севере Израиля, в тот период, когда он постоянно подвергался ракетному обстрелу со стороны «Хизбаллы» с территории Ливана.

Что я имею в виду? В течение последних 15 лет все оперативные военные решения, касающиеся Севера Израиля, принимались исходя из вопроса о том, не полетят ли в результате принятия этого решения, в качестве ответной меры «Хизбаллы», на Кирьят-Шмону ракеты «капюша». Даже потенциально ценнейшие и эффективнейшие операции были отменены из-за этих опасений.

Утром того дня, когда Рабин был убит, я видел его на неофициальной встрече в доме у Юдит и Рони Капинов в Герцлии-Питуах. Раздался телефонный звонок. К телефону позвали Рабина. Звонил Дани Ятом, его военный секретарь. Он сообщил, что появилась возможность ликвидировать одного из главарей «Хизбаллы». Вернувшись

к столу, Рабин сказал, что не одобряет этой акции из опасений, что она повлечет за собой обстрел Кирьят-Шмоны «капюшами».

Я рассказываю об этом случае для того, чтобы наглядно продемонстрировать, до какой степени боязнь обстрела мирного населения диктовала решения Израиля. Провальство Шарона проявляет сдержанность в ответ на непрекращающиеся провокации «Хизбаллы» вдоль северной границы Израиля лишь на том основании, что 1,2 миллиона израильтян на севере страны живут на территории, которая может подвергнуться обстрелу 10000 ракет, размещенных Ираном в Южном Ливане. Если территория Израиля подпадет под радиус действия иранского ядерного оружия, любое израильское правительство примет адекватные ответные меры. Любое серьезное и ответственное решение в случае необходимости будет приниматься исходя из тени нависшей над страной экзистенциальной угрозы. Возможно, нам придется принимать подобные решения раз в десятилетие, но нам не следует принимать их под давлением ядерного шангажа. Тень ядерной угрозы может нанести серьезный удар по моральному духу израильского общества. Боясь, что многие начнут уговаривать своих детей выбрать более безопасное место проживания. Эти граждане могут покинуть страну и благополучно жить в другом месте, благодаря полученному ими образованию и приобретенным профессиям. Мы же будем жить во мраке и под нависшей над нами угрозой, и не следует терпеть себя надеждой, что все останется по-прежнему.

Некоторые полагают, что нам нужно просто смириться с тем фактом, что у государств нашего региона, проводящих агрессивную политику, будет ядерное оружие. Ведь Израиль не замедлит принять адекватные ответные меры, в результате возникнет баланс взаимного сдержки-

вания, тем самым обеспечив гарантии неприменения ядерной силы. Так было во времена «Холодной войны» между Советским Союзом и США, так будет и в нашем регионе. Это опасное заблуждение.

Любой баланс сдерживания базируется на симметрии. В случае СССР и США эта симметрия присутствовала. Обе страны — территориальные гиганты, располагающие огромными незаселенными пространствами, население обеих стран составляло примерно четверть миллиарда, и — самое главное — администратии обеих стран вели себя ответственно. Невзирая на имевшиеся между ними идеологические и культурные различия, ни СССР, ни США не стремились к ядерной конфронтации. Они боялись ее и хотели уберечь свои народы от военной катастрофы. Не удивительно, что первым шагом к примирению между державами после принятия Женевской конвенции в 1954 году стало создание «горячей линии». Речь шла о прямой телефонной линии, связавшей американского президента и Генерального секретаря ЦК КПСС на случай экстренного разговора, призванного отвратить ядерную угрозу, возникшую как следствие непонимания или недоразумения.

Между Израилем и Ираном нет никакой симметрии. Территория Ирана в 70 раз больше территории Израиля, а население Ирана превышает население Израиля в 10 раз. Наши интеллектуальные и экономические ресурсы сосредоточены главным образом на густонаселенной узкой прибрежной равнине. Две сборочные на Израиль ядерные бомбы — одна на район Хайфы, а другая на район Большого Тель-Авива — способны превратить Израиль в выжженную радиоактивную землю. Таким образом, степень опасности, которую представляет радиоактивное оружие для Израиля, намного превышает степень опасности, которую оно

представляет для всех прочих стран мира, за исключением, разве что, Сингапура.

Главная асимметрия в отношении Израиля и Ирана тем не менее заключается в характере их режимов. Израиль — страна демократическая, с административной ветвью, которая пребывает под неусыпным контролем со стороны Кнессета, судебных органов, СМИ и общественности. В Иране же нет ничего подобного. Иран управляется органом, состоящим из фанатичных исламских экстремистов, которые не подвластны никому, с их же слов, кроме Аллаха. Израилью как государству нельзя расчленивать на выживание (или на выживание большинства его граждан), если он будет уповать на ответственность и благоразумие очередного аятоллы. Я буду даже более категоричен: нельзя допустить, чтобы кто-либо из вратов Израиля имел ядерное оружие. Мы должны делать все, что от нас зависит, для того, чтобы исключить такую возможность. Понимая это, в свое время премьер-министр Менахем Бегин отдал приказ о бомбардировке иракского ядерного реактора. Эта операция стала спасительной для Израиля.

Но, возможно, нам все же не удастся предотвратить появление ядерного оружия у одного из наших заклятых врагов. И что тогда? В такой ситуации придется прибегнуть к новому виду сдерживания. Новое сдерживание будет основываться на четырех кругах защиты.

Первый круг — пассивная защита. Сюда входят персональные системы защиты от химического и биологического оружия, такие как противогазы и содержкащиеся в надлежашем состоянии системы бомбоубежищ. Эти системы становятся жизненно важными, когда дело доходит до опасности обстрела ракетами, оснащенными неконвенциональными боеголовками, но их недостаточны.

Второй круг составляет активная защита. Я имею в виду систему ПРО «Хеп» («Агтов»), которая способна перехватить и уничтожить приближающуюся наступательную ракету. Эта система была разработана и изготовлена в Израиле. Она также включает в себя прибор радиолокационного обнаружения «Степ Рипе» («Зеленая сосна») и является в настоящее время единственной в мире действующей системой ПРО такого типа. ПРК «Хеп» («Агтов») является важнейшим компонентом защиты, но и его недостаточно. Он не является непроницаемым барьером для неограниченного количества ракет и для всех их видов.

Третий круг — это «ответная» оборона. Эта система перехватывает ракеты на начальном этапе, на «разгонной стадии». Ее преимущество заключается в том, что в таком случае ракета с ядерной или химической боеголовкой взрывается на месте запуска, а не у цели. Существует и другая версия системы перехвата под названием ВРЦ, которая предназначена для удара по ракетной пусковой установке непосредственно после запуска ракеты. Пусковая установка еще не успела остыть, и на нее можно без труда нацелить ракету с тепловой системой самонаведения. Эта система называется «ответной», потому что она наносит удар по ракетам или пусковым устройствам уже после их запуска. Она базируется на беспилотных самолетах, которые кружат над территориями, откуда предполагательно может осуществляться запуск ракет. Когда они фиксируют запуск ракеты, то наносят удар по ракете или пусковой установке. Нельзя забывать о том, что во время войны в Персидском заливе все попытки союзников определить местонахождение установок, из которых велся обстрел территорий Израиля и Саудовской Аравии ракетами СКАД («SCUD»), не увенчались успехом: ни одна из них не была найдена или уничтожена вовремя.

Базой для разработки этой системы является высокий уровень профессиональной компетенции и богатый опыт сотрудников оборонной промышленности. Но в ее разработке и производстве определенное место отводится и сотрудничеству с США, поскольку противоракетная оборона в настоящее время является одним из краеугольных камней в оборонной концепции США. Тем не менее ответное устрашение тоже не обеспечивает стратегическое сдерживания.

Четвертый круг — это угрожающая оборона. Этот вид обороны должен основываться на способности наносить удары по стратегическим целям на больших расстояниях. Такая система позволит нам нанести агрессию тяжелые точные удары. Этот компонент является важнейшим в условиях нового сдерживания. Создание этой четырехслойной системы и явится построением стратегии нового сдерживания. Что не означает отказ от старого: оно лишь усиливает его. Нельзя отказываться от политики дуализма. Ни в коем случае, ни за что Израиль не должен изменять ей или позволять какому-либо иностранному гражданину или органу, какими бы дружественными они ни были, вмешиваться в наши внутренние дела. Израилю нельзя подписывать соглашений, предусматривающих наличие контроля над неконвенционным оружием. Почему? Израиль — демократическое, открытое государство, со свободной, не связанной по рукам и неподцензурной прессой. Здесь ничего не утаить. Любое обязательство Израиля, подписанное ему в рамках такого договора, будет соблюдено во всех нюансах.

Но государства типа Ирана, проводящие преступную политику, подписывают договора о нераспространении химического оружия, в то же время не переставая тайно его производить. Ирак прошел инспекцию МАГАТЭ тог-

да, когда до начала производства его химического оружия оставалось полтора года. Иран подписал Договор о нераспространении ядерного оружия, но предпринимает колоссальные усилия для его создания. Словом, в данном случае налицо вопиющая асимметрия в отношении Израиля и его врагов. Мы не можем позволить связать себя международными соглашениями, которые мы будем неукоснительно соблюдать в то время, как наши наиболее опасные враги будут нарочито ими пренебрегать.

Глава 13

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ — АЛЬЯНС ИНОГО ПЛАНА

Крупнейшим из стратегических достояний Израиля, помимо его внутренней силы, является особый статус его отношений с США. Определение «Наш большой друг» применительно к нашим отношениям — не затасканное клише. В этом есть большая доля истины. Корни альянса Израиля с США весьма глубоки и поддерживаются нашими общими демократическими ценностями.

Особый статус, принадлежавший американской еврейской общине, — один из факторов, обуславливающих наш союз. Отношения Израиля и США не носят одностороннего характера: они не ограничиваются получением нами помощи и поддержки от союзника. Меня всегда коробило, когда Израиль характеризовали как «крупнейший авианосец Шестого флота». Мы — независимое государство, и мы не служим в чужих флотах. Но дело в том, что в регионе, наводненном диктаторами и враждебными режимами, в котором у США есть серьезные экономические интересы, существование беспорочно демократического государства, являющегося в то же время крупнейшей военной державой от Баку до Гибралтара, — бесценное стратегическое достояние.

Что до повседневных дел, связанных с безопасностью, то здесь наши отношения тесно переплетены и носят ди-

намичный характер. Они не ограничиваются шедрой американской помощью Израилю, которая к 2006 году достигнет 2,4 миллиарда долларов в год. Это также непрерывный взаимовыгодный диалог в области разведки и стратегии. Ряд совместных комиссий и рабочих групп (JSSG, JPMG, DRAG и т.п.) встречаются раз или два в году при участии военного персонала и представителей высших эшелонов власти от обеих сторон. Между нами существует исключительное взаимопонимание в особо серьезных вопросах. Во время войны в Ираке в 2003 году между Израилем и США была налажена превосходная оперативная координация. Она возникла на почве глубинного понимания взаимных интересов.

На политической арене США также оказывают нам поддержку даже в самые трудные для нас времена. Именно благодаря незыблемости их позиции в СБ ООН удалось избежать размещения «миротворческих» сил ООН на палестинских территориях. В календрию Барака была даже предпринята попытка официально возвести эти отпошения в ранг оборонного пакта. Попытка оказалась неудачной. Существует некое непреодолимое расхождение во взглядах, и именно оно препятствует заключению такого договора.

Подход США очень осторожен, когда речь идет о вторжении на территорию другого государства, о так называемой «иностранный интервенции». Поэтому, в силу своих причин, Израиль не хочет ограничивать свободу своих военных действий рамками какого-либо официального пакта. В конце концов, обе стороны предпочитают существовать на практике альянс официальноным обязательствам, которые могут создать ряд неудобств обеим сторонам. Любовь без брака предпочтительнее брака без любви.

На самом деле вопрос свободы действий Израиля отмечен конфликтом интересов между США и Израилем.

Важно понять суть этого конфликта. Интересы Америки на Ближнем Востоке сводятся к одному слову — стабильность. Для американцев стабильность означает не только отсутствие агрессии, но также и наличие непрерывного потока нефти, текущего на Запад по приемлемой цене. Даже оправданные военные действия со стороны Израиля могут нарушить священную стабильность региона. Следует помнить, что и сам Израиль откровенно заинтересован в том, чтобы США занимали прочное положение в арабском мире. США понимают причину наших военных действий, но не всегда с ними соглашаются. И если при этом страдают «невинные», то в ответ может раздаться резкая и неприятная критика. Оговорки американцев в отношении действий Израиля могут иметь паубное воздействие в тех политических и военных условиях, когда мы нуждаемся в дипломатической защите США от наших врагов. В качестве наглядного примера приведу личную историю.

11 мая 2001 года в 10:30 вечера, в столь необычное время, было созвано экстренное заседание правительства моего кабинета в здании премьер-министра в Тель-Авиве. Заседание проходило за старым деревянным столом, за которым некогда Бен Гурцион и прочие отцы государства принимали важнейшие решения. Когда я нахожусь за этим столом, я все время думаю об исторической ответственности. Темой заседания было олобрение бомбового удара по сирийской РЛС в Дахар-Эль-Байдар на горе Ливан. Впервые за период с 1982 года израильские ВВС сообрались нанести непосредственный удар по сирийской военной цели. Причиной этому послужило убийство «Хизбаллой» израильского солдата из подразделения «Голани», когда по нему из засады была выпущена противотанковая ракета на спорном участке территории горы Хермон под названием гора Дов.

Я был единственным, кто проголосовал против проведения этой операции. В течение многих лет я проповедовал нанесение непосредственных ударов по сирийцам для того, чтобы они положили конец деятельности «Хизбаллы» в Ливане. Я единственный в кабинете Рабина настаивал на этом. После вывода наших сил из Ливана я лично передавал по различным секретным и общедоступным каналам множество предупреждений Сирии, касавшихся ответственности, которую она понесет за непрекращающиеся нападения на нас «Хизбаллы» с территории Ливана. В террористическом балансе с Сирией я видел единственную серьезную компетенцию за передачу нами зоны безопасности в Южном Ливане. И теперь, когда мы собираемся реализовать то, на чем я настаивал все эти годы, — я, Эфраим Сне, голосую против? В чем дело?

В тот период наблюдался рост враждебных настроений между Израилем и палестинцами. В СБ ООН снова был поставлен вопрос о размещении международного военного контингента на «территориях». В арабских странах росла ненависть к США, и речь шла о погружении в пучину масштабного регионального конфликта. Я опасался, что мы в это нелегкое время лишимся поддержки США и нам придется в одиночку разрешать наш главный конфликт — с палестинцами.

Но я оказался не прав. Операция прошла гладко. От США возражений не последовало. Однако через несколько дней выяснилось, что мое предупреждение имело под собой почву. В ответ на минометный обстрел израильской территории подразделения ЦАХАЛа вошло в сектор Газа, разрушило здание, из которого велся обстрел, и вернулось назад. Тогдашний госсекретарь США Колин Пауэлл публично упрекнул Израиль за «неадекватный силовой ответ». Это положило начало некоторому кризису в отношениях между нашими странами.

Я рассказал об этом для того, чтобы подчеркнуть знание, которое я придало политической поддержке США. Не следует терять ее в нелегкие для нас времена даже в том случае, если речь заходит об оправданных военных действиях на фронте второстепенного значения.

Но поводом для более серьезной угрозы, нависшей над нашими отношениями, является не вопрос о свободе действий Израиля. Более серьезный вопрос, который затрагивает наш суверенитет и военное превосходство в регионе, — это экспорт военных технологий.

Выше я дал подробные разъяснения той роли, которую играет израильская оборонная промышленность в создании военного превосходства над нашими непосредственными и потенциальными врагами. Я также объяснил, что наш оборонный экспорт — одно из условий экономического выживания этой индустрии. Напомним, речь шла о том, что качественное преимущество израильских технологий над армиями арабского мира объясняется тем, что мы совершенствуем американское оружие. В результате этого наше оружие является уникальным. Необходимость постоянно состязаться с современными технологиями, которыми снабжал арабские страны в прошлом СССР, а в настоящее время снабжает США, подняла статус нашей оборонной промышленности до одной из передовых в мире. А в некоторых сферах военных технологий мы превосходим остальные державы.

Таким образом, в результате своей борьбы за выживание мы стали конкурировать с гигантами американской военной промышленности — «Боингом», «Локхид-Мартином», «Рейтеоном» и другими. Во многих случаях победы оказывается на нашей стороне. Например, в Голландии ракета «Гил», изготовленная концерном израильской военной промышленности «Рафалель», доказала свое преимущество перед «Джэвелин» концерна «Локхид-

Мартин». Израиль побеждает конкурентов на рынке вооружений благодаря лучшему качеству и сравнительно невысокой цене нашей продукции. Это раздражает лидеров военной промышленности США. Пользуясь своим колоссальным влиянием в Пентагоне, администрация которого «вышла» именно из этих компаний и туда же вернется, они подстрекают правительство, а порой и Конгресс, к конфронтации с нашей оборонной промышленностью.

Я сказал «конфронтации», а не «конкуренции», потому что иногда американцы не только конкурируют с нами, но и идут против нас. Один из примеров тому касается конфликта, разывавшегося вокруг боевого электронного комплекса, предназначенного для греческих военных самолетов американского производства «F-16». В том случае израильская система, изготовленная нашим концерном «Элисра», «победила» систему, предложенную «Рейтеоном». Для того чтобы сорвать эту сделку, Пентагон стал угрожать Израилю тем, что не разрешит устанавливать израильскую систему на израильских же F-16, изготовленных в США. Таким образом, Департамент Обороны США наложил серьезные санкции на израильские ВВС для того, чтобы помочь американской компании одержать победу над «Элисра». Это пример грубого использования США зависимости от него Израиля для того, чтобы удерживать деловое преимущество.

Другой пример — это история с самолетом дальнего радиолокационного обнаружения Фалькон («Falcon»), который израильская военно-воздушная промышленность создала для Китая. История эта весьма поучительная. Израильский военно-воздушный комплекс приобрел российский самолет «Илюшин-76» с тем, чтобы установить на нем новый радар и систему обнаружения. Общая стоимость самолета составляла 250 миллионов долларов, причем боль-

шая часть этой суммы была уже заплачена. У китайцев была «опция» на покупку еще четырех самолетов. Идея этой сделки возникла еще в 1995 году, когда у власти находилось правительство Рабина. Сделка начала осуществляться в 2000 году, когда огромный самолет с большим параболическим зеркалом радиолокатора на тыльной части был выставлен на всеобщее обозрение в аэропорту им. Бен Гуриона. В начале 2000 года в Конгрессе США разразилась буря. Сделку с Китаем назвали ударом в спину Америки на том основании, что поставка самолета поставила бы под угрозу жизнь американских пилотов. В брифингах, представленных руководству Конгресса и Сената сотрудниками Пентагона, поставка «Фалькона» в Китай была подана как угроза военному баглансу в Восточной Азии и интересам США. Все было подано таким образом, что создавалось впечатление, что любой из тех, кто поддержит Израиль, своей поддержкой ударит по национальным интересам США. «Лучшие друзья» Израиля, преимущественно главы еврейских общин, не могли позволить себе не присоединиться к осуждению Израиля за осуществление этой сделки. Потому что, поступи они иначе, они бы тем самым продемонстрировали преданность Израилю, а не своей собственной стране. Кто бы ни был автором затеи с «Фальконом», он заслуживает профессионального восхищения. Эта идея достойна того, чтобы ее изучали в бизнес-колледжах и на курсах преподавания пиара. В США было достигнуто такое единодушие в осуждении Израйля, как в парламенте, так и в общественном мнении, что в самом начале переговоров в Кемп-Дэвиде премьер-министр Барак был вынужден сказать разъяренным китайцам, что «на данном этапе мы не можем продолжить реализацию этого проекта».

Таким образом, был нанесен неимовверный ущерб престижу нашей оборонной промышленности. При этом

сумма компенсации, которую нам пришлось выплатить Китаю, составила 350 миллионов долларов.

Что до самой этой истории, то все обвинения в адрес Израиля были беспочвенны. США знали о предстоящей сделке еще в 1996 году и вдруг решили ее осудить в 2000. Возможно, в то самое время (в год президентских выборов) у США в лице Китая появился новый враг. По крайней мере, один-единственный самолет не изменил бы балansa в Восточной Азии. Это громоздкая система раннего оповещения, оборонительная по своей природе. Его легко сбить, когда он кружит над обороняемой территорией. Именно эти доводы и выдвинули в Капитолии в 1981 году сторонники сделки по продаже подобных самолетов (AWACS) Саудовской Аравии. Тогда вероятность столкновения Израиля с Саудовской Аравией была намного выше вероятности столкновения США с Китаем в 2000 году. Что до угрозы жизни американским пилотам, то ВВС США располагают средствами нейтрализации китайского «Фалькона» дальнего радиуса действия с безопасного расстояния.

Вся история была затеяна лишь для того, чтобы нанести ущерб израильской оборонной промышленности в целом и военно-воздушной — в частности. И правда, в результате репутация израильской военно-воздушной промышленности сильно пострадала, и сегодня ее клиенты требуют гарантий того, что сделка не будет отменена вследствие политического давления. Нанесен значительный ущерб израильско-китайским отношениям, прежде носившим более тесный характер. Я не смог бы доказать это даже в суде, однако полагаю, что по крайней мере одна крупная американская компания была причастна к планомерному разжиганию этого конфликта. Нерасторопность и неуклюжесть реакции Израиля на этот кризис не отменяет этого факта. К сожалению, пре-

мьер-министр Барак проигнорировал четыре присланные мною — как замминистра обороны — письма с рекомендациями, связанными с нашим поведением в условиях этого конфликта.

В результате этого конфликта правительство США предприняло попытку заключить письменный договор с Израилем об экспорте военных технологий. Не следует забывать, что этот договор должен был касаться исключительно израильских технологий, разработанных и произведенных в Израиле, без какого-либо участия иностранных государств. Израилью уже приходится спрашивать разрешения США на экспорт продукции совместного производства. Американцы хотели получить право на одобрение идеи запрещения экспорта в страны, входящие в длинный список «нежелательных государств», который в конечном итоге свелся к четырем странам.

В настоящее время существует другой подход к этой проблеме, и здесь ограничение прав Израиля на экспорт подается в «сахарной» оболочке. Вот в чем суть этого подхода: пусть Израиль все производит совместно с США, пусть они будут партнерами, и нам об этом пойдет на пользу. Этот подход привлекателен с экономической точки зрения, однако он пагубен для израильских исследований и разработок, нашей технологической независимости и нашей способности создавать качественное преимущество над врагами в регионе. Следует помнить о том, что 40% военной экспортной продукции США следует в арабские страны. Они получают те же самолеты, что и мы. Мы приобретаем это самое качественное преимущество, благодаря «обогатению» полученной основы израильскими системами, которые превосходят по качеству те, что американцы предоставляют своим покупателям.

Конкуренция, описанная мною, не происходит на равном поле. Израиль не может конкурировать с США, ко-

торые предоставляют ему ежегодную помощь в размере более 2 миллиардов долларов. Мы, бесспорно, зависим от США, и израильское общество не готово заплатить сумму, равную по размеру ежегодной американской военной помощи, с помощью дополнительной налоговой нагрузки. Нам нужно строить отношения с США, ориентируясь на более «зрелую» модель, а не на основе паритета. Израиль понимает нужды оборонной промышленности США и не предъявляет претензий по поводу количества или качества американского оружия, экспортируемого в арабские страны. Но и США должны уважать право Израиля на собственноручное создание им качественного преимущества над своими врагами и на поддержание и развитие собственной оборонной индустрии. Разумеется, американская оборонная индустрия может конкурировать с израильской на глобальном рынке. Но правительство США не должно затевать борьбу против Израиля ради интересов американских компаний и использовать свою военную помощь как средство давления на Израиль в сфере бизнеса. В рамках новой модели израильские компании должны, совместно с американскими, заниматься разработкой, производством и маркетингом продукции, представляющей интерес для обеих стран, например разработка противоракетной системы «Хец» («Агтов») или ракеты «Рореве» класса «воздух-земля». Израиль по своему усмотрению должен ставить США в известность и советовать с ними во всех тех случаях, когда экспортные сделки Израиля могут угрожать интересам безопасности США. Думаю, что такая формула справедлива, функциональна и базируется на взаимном доверии. В любом случае вызывает досаду тот факт, что торгово-промышленные дела способны омрачить столь прочный и необходимый обмен странамиальянс.

Более реалистичный и зрелый уровень отношений подразумевает и постановку вопроса о давлении, которое следует оказать США ради предотвращения утечки ядерной технологии в Иран. Все подобные попытки оказались бесплодными во времена правления администрации Клинтона — Гора. Не знаю, удастся ли чего-нибудь добиться администрации Буша. На сегодняшний день ядерные технологии продолжают утекать из России в Иран. Если нам придется в одиночестве противостоять Ирану, обладающему ядерным оружием, нам не должны мешать проводить подготовку к этому противостоянию. Израиль не просит о том, чтобы кто-либо иной пролил свою кровь, защищая его от агрессии. Израиль не принуждал США вводить войска в Ирак. Это прекрасно известно тем, кто принимает решения в Вашингтоне. Но, по крайней мере, пусть они не препятствуют тому, чтобы мы смогли осуществить подготовку к самостоятельному отражению иранской агрессии, а еще лучше, если бы они нам в этом помогли.

Мы должны понимать и учитывать ограничения США, а потому предъявлять им скромные и справедливые требования, что продиктовано более зрелым подходом к нашим отношениям.

Существует еще один важный аспект американо-израильского стратегического альянса. Я имею в виду нашу способность к построению новой стратегической реальности на Ближнем Востоке, которую можно было бы координировать совместно с США и которая могла бы служить интересам как Израиля, так и США. Об этом пойдет речь в следующей главе.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗНИКИ

Существует возможность объединения наиболее «умеренных» государств Ближнего Востока под знаменем борьбы с исламским экстремизмом. Хотелось бы, чтобы со временем таких государств было большинство.

Оплотом исламского фундаментализма и экстремизма является Иран. В противовес ему Египет, Турция, Иордания и Израиль могли бы создать коалицию государств, объединенных приверженностью мирному процессу и сохраняющих дружественные отношения с США. Такой альянс мог бы сыграть свою историческую роль, по крайней мере, на стадии закладки фундамента противостояния силам зла.

К концу срока пребывания на посту заместителя министра обороны (2001) я осуществил наблюдение за со-местными военно-морскими учениями Шестого американского, израильского и турецкого флотов. Представители трех государств собрались в командной рубке израильского военного катера. Я подумал, что там не хватает египтян и иорданцев. Они бы органически вписались в нашу группу.

В действительности подобная коалиция сложилась еще во времена Ицхака Рабина, после подписания соглашений в Осло и мирного договора с Иорданией. Возможно, эту коалицию и нельзя было назвать по-настоя-

шему региональной. Но тогда произошла перегруппировка сил и была основана новая стратегическая коалиция, которая включала Палестинскую автономию, Тунис, Марокко и несколько государств Персидского залива. Наиболее ярко страны продемонстрировали свою «коалиционность», собравшись на конференции, направленной на обуздание террора в апреле 1996 года, уже после убийства Рабина и назначения Шимона Переса на должность премьера. Эта конференция, созданная после серии страшных террористических актов, осуществленных «Хамасом» в Тель-Авиве и Иерусалиме, являлась выражением протеста исламскому террору и приверженности мирному процессу. Приход к власти правительства Нетаниягу в 1996 году и замораживание мирного процесса разрушили только начавший формироваться союз.

Следует отметить, что существование в регионе такой группы «умеренных» государств и изоляции «преступных» государств облегчает для США задачу защиты собственных интересов. Когда нет четкого различия между экстремистскими и прогрессивными режимами, влияние экстремизма усиливается, и США становится труднее отстаивать свою политику активного слерживания.

Когда встанет вопрос о практическом сотрудничестве в области безопасности, то такое сотрудничество должно будет пойти в двух направлениях. Первое — более эффективное сотрудничество в рамках антитеррористической войны: обмен информацией и препятствие проникновению террористов и оружия на территорию государства-союзника. Второе — совместная защита от ракетных ударов. Системы взаимного своевременного предупреждения и перехвата по типу «Агтов» («Хэл») и ее производных могут быть размещены, помимо Израиля, на территории Турции и Иордании. Такого рода взаи-

мосвязь обеспечивает территориальную глубину раннего предупреждения и лучшую защиту государств-участников. Такого рода взаимодействие («Intergovernmental») также может быть организовано между этой системой и системой ПРО «Aegis» Шестого флота США.

До тех пор пока не положен конец палестинно-израильскому конфликту, создание такого регионального альянса не представляется возможным. Но оно может стать реальностью в том случае, если между нами и палестинцами возникнет взаимопонимание, если волна насилия пойдет на спад и наметится продвижение на пути к написанию мирного соглашения. В таком случае, со временем, и Палестинская автономия сможет присоединиться к этой коалиции.

Сотрудничество может расширяться в еще нескольких направлениях. Например, Турция и Израиль могут расширить и укрепить экономические и оборонные связи со странами Центральной Азии. Государства, входящие в Совет по сотрудничеству стран Персидского залива, которые подвержены угрозе со стороны Ирана и подорванной деятельности исламского фундаментализма, тоже могли бы присоединиться к этому альянсу. Поддержка таких государств как Египет и Израиль, укрепила бы их могущество в борьбе с региональными силами зла.

Но, помимо стран Ближнего Востока, Израиль связан и со странами Средиземноморья. Израиль расположен на Средиземноморском побережье, где он соседствует не только с Тунисом, Марокко, Турцией, Кипром и Египтом, но и с четырьмя важными европейскими государствами — Грецией, Италией, Францией и Испанией.

Европейцам также хотелось бы, чтобы ситуация в регионе, населенном их южными соседями, была спокойнее, чтобы он не был подвержен религиозному экстремизму и насилию. Благодаря этому стремлению возник

Барселонский процесс. Такое название получила попытка европейцев построить партнерские взаимоотношения между средиземноморскими соседями. До сих пор дело не дошло до серьезного практического сотрудничества, но важен сам факт начала. Союз готов сделать значительные вложения в этот проект. Будучи членом Барселонского процесса, Израиль должен принять в нем активное участие, в особенности в части инициатив, не связанных с военной деятельностью.

Однако в Восточном средиземноморье есть место и для сотрудничества в оборонной сфере. Значительную часть дохода, по крайней мере, пяти странам Восточного средиземноморья — Египту, Греции, Турции, Кипру и Израилю — приносит туризм. Ничто так не ударяет по туризму, как терроризм. Например, теракты последнего времени лишили Египта дохода в 1 миллиард долларов за год. Таким образом, эти пять государств могли бы создать концептуальные рамки для сотрудничества, по крайней мере, в области войны с террором. Добрые отношения, установившиеся между Грецией и Турцией, могли бы послужить основой для военного сотрудничества, пусть даже пока в узких рамках трудно представимого, на первый взгляд, треугольника: Греция—Турция—Израиль. Чуть выше я упоминал совместные воздушные и морские поисково-спасательные учения, участвовавшие с берегов Израиля при участии Турецкого флота, Шестого флота США и ВМФ Израиля. Вполне реально было бы включить в список стран-участниц этих учений и Грецию. Израиль, пребывающий в добрососедских отношениях со странами Восточного Средиземноморья, готов стать своего рода катализатором процесса регионального сотрудничества.

Благодаря своему военному и научному потенциалу, Израиль мог бы послужить связующим звеном в создании

нескольких региональных объединений в зоне своего стратегического пространства. Я готов повторить это вновь и вновь — все эти партнерские взаимоотношения, столь необходимые для укрепления статуса Израиля, могут стать реальностью лишь тогда, когда наш с палестинцами исторический конфликт ознаменуется мирным разрешением. Иными словами, для того чтобы мы смогли дотянуться до Катара и Касабланки, должен воцариться покой между палестинской Калькилией и израильской Кфар-Сабой.

Глава 15

НАЦИОНАЛЬНАЯ СТОЙКОСТЬ

Я уже говорил о военных и политических мерах, которые, на мой взгляд, следует предпринять для обеспечения безопасности Израиля в нестабильном регионе.

Теперь же я обращаюсь к важнейшей внутренней предпосылке для выживания еврейского государства — национальной стойкости. Национальная стойкость — это наша ментальная и духовная способность выстоять в столкновениях, которые, возможно, угрожают нам будущим. В тяжелые времена мы должны быть готовы пожертвовать личным комфортом и — более того — бороться за выживание своей Родины. Не думаю, что жажда войны у нас в крови, нельзя сказать, что нашему народу свойственно радоваться возможности повоевать лишний раз. Слишком много войн мы прошли за столь короткий отрезок времени существования государства. Но для выживания Израиля необходима готовность каждого гражданина сражаться за свою страну и ее национальные идеалы. Мы не можем себе позволить расслабиться в ожидании дня, когда станет необходимо отстаивать силой наши жизненно важные интересы, благополучие израильтян, когда встанет вопрос о самом существовании государства. Скажу без обиняков: у нации, которая не желает сражаться, нет будущего на Ближнем Востоке.

Национальная стойкость состоит из двух элементов. Первый — это социальная солидарность. Проше говоря, израильтяне должны чувствовать, что страна принадлежит им, что она — их дом, а израильское общество — их семья. Человек готов защищать свой дом и семью. Для того чтобы каждый гражданин чувствовал, что государство принадлежит ему, он должен быть уверен в том, что обладает равными правами и возможностями со всеми, что он ни в чем не обделен и никто не живет за его счет. Он должен знать, что живет в обществе, основными ценностями которого являются человеческое достоинство и равные права.

Главные, базисные ценности должны проповедоваться системой образования, и государство должно отдавать себе отчет в том, что порой за их реализацию приходится платить. Вообще, приверженность тем или иным ценностям проверяется тогда, когда дело доходит до необходимости чем-либо пожертвовать или заплатить цену за их реализацию.

Уважение человеческого достоинства обязывает правительство поддерживать на должном уровне качество жизни, базирующуюся на равноправии системе благосостояния, здравоохранения и геронтрического обслуживания. В обществе, главное достоинство которого человеческое достоинство, не закрываются двери библиотек для слепых, а инвалиды и незащищенные группы населения окружены должной заботой. Такое общество трепетно относится к праву на достойную старость и гарантирует доступность геронтрического обслуживания для тех, кто не в состоянии его оплатить. Такое общество делает все возможное во имя спасения жизни любого и не вынуждает бедных и больных собирать пожертвования для покупки лекарств от рака, которыми их не обеспечивает правительство.

Те же обстоятельства обязывают правительство сосредоточивать усилия на развитии народного образования в самых экономически отсталых уголках страны. На периферии, в городах развития и неблагополучных районах необходимо внедрять передовые методы обучения, обеспечивать школы новейшим оборудованием, привлекать к работе лучших учителей. Практической мерой по укреплению принципа равных возможностей является политика правительства, направленная на искоренение «генетики бедности». Только целенаправленная стратегия народного образования способна обеспечить детям из малообеспеченных и малообразованных семей лучшую, по сравнению с родительской, жизнь.

В настоящее время социальное неравенство, вопарившееся в израильском обществе, исключительно негативно сказывается на его сплоченности. В условиях, когда многие ощущают, что благосостояние и престиж государства сосредоточены в руках небольшой группы богатых людей, в то время как те, кто работает не покладая рук, еле-еле сводят концы с концами, нет ничего удивительного в том, что последние не ощущают себя равноправными членами израильского общества. Например, тот факт, что религиозные ультраортодоксы не служат в армии, служит легитимацией и для других слоев населения для уклонения от воинской службы. К тому же сегодня человек, проходящий резервистскую службу, считается в народе «фраером», и нет ничего нежелательнее для израильтянина, чем такая репутация. Освобождение от воинской службы ультраортодоксов нанесло серьезный ущерб отношениям светских и религиозных евреев. Это вызывает в тех религиозных молодых людях, которые служат

в израильской армии, чувство отчужденности от защищаемого ими общества.

Прошлые поколения молодежи воспитывались учителями и лидерами еврейского «ишува» (собирательное название еврейского населения в подмандатной Палестине. — *Примеч. перев.*), а затем и государством, исходя из принципа: жертвовать своими интересами ради государства, не ожидая ничего взамен. Это было правильно и воспринималось как должное в те времена, когда государство было чрезвычайно бедным и его будущее было под вопросом. Сегодня Израиль — страна с развитой экономикой и наукой, и необходимо вооружиться новыми концепциями воспитания молодежи. Сегодня следует говорить о справедливом балансе отдачи и получения. Есть многое, за что можно и нужно критиковать государство с его недостатками, однако оно предоставляет гражданам социальное обеспечение, образование и услуги здравоохранения. И каждый гражданин, представитель любого общественного слоя, может пользоваться этими благами, не предьявляя ничего взамен. Справедливый баланс возникает тогда, когда тот, кто пользуется общественными благами, отдает обществу плоды своего труда, талантов и способностей. При адекватном социальном раскладе гражданам страны становится стыдно, да и невыгодно, паразитировать на благах общества, ничего не давая ему взамен.

Если же государство не оказывает поддержки малообразованным и, соответственно, малочисленным слоям населения, ни о какой национальной решимости не может быть и речи. Государство должно стремиться улучшить жизнь этих людей и предпринять реальные меры для того, чтобы свести к минимуму огромный разрыв в уровне дохода. В государстве, где обеспеченная прослойка насе-

ления пользуется одной системой медицинских услуг, а малочисленные — другой, где богатые учатся в одних учебных заведениях, а небогатые — в других, не может идти и речи о национальной стойкости.

Государство должно обеспечить равенство в правах и возможностях религиозным меньшинствам — друзам, бедуинам, мусульманам и христианам. Политика равноправия, проводимая в отношении нееврейского населения, в перспективе приведет к их самоотжествлению с израильским обществом и государством. На сегодняшний день происходит обратное. Из всех правительств, находящихся у власти за последние 15 лет, лишь правительством Рабина занималась проблемой устранения дискриминации меньшинств. Ицхак Рабин проводил эффективно в этом отношении политику, что привело к росту патриотических настроений в среде израильских граждан арабского и друзского происхождения.

Для создания атмосферы национальной стойкости необходимо, чтобы национальные меньшинства почувствовали узы. Недовольство в их среде — это бомба замедленного действия. Это один из уроков, который нам следует извлечь из кровавых событий, произошедших в арабском секторе государства в октябре 2000 года, когда во многих арабских городах разразились погромы, в результате чего полиция пошла на жесткие меры и 13 арабов были убиты.

Вторая составляющая национальной стойкости — это гордость своей страной и самоотжествление с ней, колллективный патриотизм израильцев, подкрепленный тождественностью в любую минуту проявить себя. Существует своего рода пассивный, «дистанционный» патриотизм,

свойственный по большей части израильтянам, постоянно проживающим за границей. Эти люди ненавидят арабов на протяжении и готовы сражаться с ними до последней капли крови...израильских солдат. При этом их собственные дети не служат в боевых частях и вообще в израильской армии: вместо этого они посещают различные колледжи и отдыхают на Карибских островах. Так вот, я говорю не о таком патриотизме.

Как человек, родившийся в семье депутата Кнессета, но избравший профессиональную службу в армии, как человек, прошедший через несколько войн и дерзких боевых операций, я говорю о подлинной любви к своей стране, о такой любви, которая превращает службу в армии в дело чести. В настоящее время я люблю, и армейская служба переживает серьезный кризис. Молодые люди зачастую плохо знают свою страну. Многие из тех, с кем мне доводилось работать, получили хорошее образование в израильских учебных заведениях, но не растоптали даже базисными знаниями об израильском ландшафте, географии, истории борьбы нашего народа за независимость. Эти ребята, возможно, хорошо знакомы с Disney World'ом и лондонским районом СоHo, но ничего не знают об ущельях Иудейской пустыни и местах проживания древних иудеев на Голанах, равно как и о сопротивлении, оказанном ими римским завоевателям.

Когда мое поколение было молодым, одной из «ритуальных» проверок на пригодность к воинской службе был поход «от моря к морю». Мы шли пешком от берегов Средиземного моря к озеру Кинерет, переправлялись через речку Казив, затем взбирались на гору Мерон и спустились по устью небольшой реки Амуд. Я проделал этот путь вместе со своими одноклассниками — Меиром Кобо и Амирамом Стерном в иссушающей зной, свойствен-

ный раннему сентябрю в Израиле. Этот нелегкий поход повязал нас с израильской природой очень личными и нерушимыми узами. Возможно, то, о чем я пишу, окраслено ностальгией взрослого человека, но мне весьма досадно, что большинство нынешних подростков не испытали ничего подобного. Теперь, когда школы выбирают маршрут для похода, они отдают предпочтение курортному Эйлату, расположенному на побережье Красного моря, с его дискотеками и вечеринками, предвкушениям встречи восхода над вершиной легендарной для нашего народа Мосалы. Численность членов сионистского движения существенно снизилась. И когда родители сообщают детям о предстоящем палаточном отдыхе в Иудейской пустыне, то «натываются» на брюзжание вроде: «А что я скажу после каникул друзьям, которые побывали за границей?». Невозможно любить страну, которую ты не знаешь и, что важнее, не стремишься узнать.

Здесь дело не только в туризме: наша земля — вечная и прекрасная, одна из наших основных ценностей, и, узнавая ее, молодой человек сможет воспитать в себе подлинный патриотизм.

Гордость собственной страной, привязанность и отождествление себя с ней могут проявляться по-разному. Даже поколение, предпочитающее сидение перед компьютерным монитором играм на свежем воздухе, может отождествлять себя не только с физической родиной, но и с достижениями страны в области технологий, науки и культуры. Тот факт, что за менее чем шестидесятилетний период Израилью удалось превратиться из бедного общества, состоявшего в основном из ретрапированных психа беженцев, в одну из стран с самыми передовыми достижениями в области науки и высоких технологий, является беспрецедентным достижением ее народа. Наши

успехи — тоже повод для гордости и идентификации себя с обществом. Наши молодые люди могут гордиться и отождествлять себя с компанией, которая принимает на работу: на рабочем месте они могут проявить изобретательность, реализовать творческие способности и хорошо зарабатывать. Гордость причастностью к нашей промышленности и науке также является проявлением патриотизма и может быть составляющей национальной моши.

Переживает кризис и другой аспект израильского патриотизма — гордость прохождением военной службы. Служба в армии и других структурах безопасности страны утратила былую популярность, упал и статус военнослужащего. Зарплаты, получаемые в этом секторе, не идут в сравнение с зарплатами, получаемыми на частных предприятиях, и каждый год министр финансов изыскивает пути для снижения уровня уже существующих зарплат и льгот служащих ЦАХАЛа. В современном обществе, где доход стоит выше моральных ценностей, трудно удерживать одаренного молодого человека или девушку на сверхсрочной службе. В то время как компания по производству высоких технологий предлагают ему заработок, в три раза превышающий армейский, даже в придачу и такую машину, какой нет даже у командира дивизии, трудно устоять перед искушением. Прежние престиж служения государству и риск жизнью ради него являлись своего рода компенсацией молодому человеку за трудности армейской службы, за пребывание вдаль от семьи, за бремя ответственности и за низко зарплату. Но когда служба и не престижна, и мало оплачивается, молодой командир роты, летчик-истребитель или специалист по компьютерам в конце концов покинут армейскую службу. А когда уходят таланты, остаются

ся посредственности. Все мы знаем, что это такое и каким последствиям приводит.

Кто ответственен за падение уровня национального самосознания среди молодежи? Что послужило причиной снижению статуса работы в сфере безопасности и чувства сопричастности среди молодежи? Есть три «виновника»: система образования, СМИ и политическое руководство.

Начну с прессы. Возможно, то, что я скажу, не политкорректно, однако известно, что СМИ формируют общественное мнение. Какой образ культивируют СМИ? О ком пишут в толстых приложениях к газетам, выходящим в канун уик-эндов? О звездах развлекательных программ и блистательных нуворишах. Редко можно увидеть в прессе или на телевидении материал, в котором были бы сказаны добрые слова, к примеру, о командире десантного батальона или агенте секретных служб, ведавшего двойную жизнь на территориях. При этом любая неудача — будь то серьезный инцидент на учениях или сексуальное домогательство — тут же начинает смаковаться израильской прессой без всяких порций. Например, чего только не писали газеты о трагическом провале боевой операции спецподразделения «Дувеван»(Duvdevan) в арабской деревне Асир а-Шамалина, в результате которого три наших воина пали смертью храбрых. Когда после этой трагедии я поехал навесить семью одного из погибших солдат во время траура, я обнаружил, что выжившие в бою сослуживцы погибшего солдата ожидают меня в отдельной комнате. Эти 12 молодых людей, лучшие из лучших, элита нашей армии, испытали чувство унижения, отчаяния и злости от того, как эта трагедия была преподнесена СМИ. Враждебность к тем, кто жертвует жизнью, взяв на себя бремя защиты

гражданского населения, да еще и в тылу врага, подрывает основы национальной стойкости. Эти молодые люди, которые назавтра же вернулись к выполнению оперативных заданий, с риском для жизни, не ощущали поддержки израильского общества.

Еще один пример. Крупнейшая израильская газета в субботунем приложении опубликовала длинную статью о десантнике, который вместо того, чтобы сражаться вместе с товарищами с бандой террористов в Южном Ливане, был озбочен спасением собственной жизни, спрятавшись за спины товарищей. В статье во всех подробностях была представлена философия этого солдата, объясняющая причину его решения не принимать участия в бою, который вели его друзья, некоторые из которых получили ранения. Все дело в том, что он был против израильской оккупации Южного Ливана. Что-то я не помню, чтобы эта газета опубликовала статью о солдатах, которые в том же бою проявили мужество, или вообще какую-либо статью, где о боевых частях ЦАХАЛа было сказано доброе слово. Когда ЦАХАЛ или спецслужбы проводят успешные операции, едва ли эти операции упоминаются в СМИ должным образом.

В демократическом обществе работа СМИ подразумевает критику армии и других силовых структур, осуществляющих функции безопасности. Но критика не подразумевает клевету. Следует помнить о том, что служашим ЦАХАЛа не разрешается реагировать на нападки прессы. Я не хочу, чтобы СМИ слепо восхваляли армию и службы безопасности: такое восхваление столь же пагубно, сколь пагубны презрение и клевета. Самодовольство и высокомерие не сослужили нам доброй службы в войне Судного дня. Но сегодня пресса ударилась в другую крайность, умаляя достоинства службы в армии и в системе безопасности.

Второй фактор — это система образования. Националистические проповеди не возбуждают в детях патриотических чувств, а воспитание в них ненависти к арабам не поможет им почувствовать себя частью государства. Израильская система образования должна донести до детей понимание уроков еврейской истории, катастроф и борьбы, которые привели к основанию еврейского государства. Страдания еврейского народа в период скитания по миру, увенчавшиеся страшным Холокостом, обязывают нас быть сильными на собственной земле. Осознание высокой цены, которую мы заплатили за то, чтобы основать и поддерживать существование нашего государства, может помочь нашей молодежи понять, насколько эта земля для нас бесценна.

Тем не менее нынешняя система образования не обеспечивает воспитание, базирующееся на основе национальных ценностей, традиции и патриотизма. Учителя подвержены влиянию космополитичной культуры, ее приверженности иностранным символам и социальной иерархии с обесценившейся шкалой ценностей, которую проповедают коммерческие СМИ.

Политическое руководство могло бы ограничить негативные тенденции, которые подрывают нашу национальную мощь, ослабляют связь молодежи с государством, узаконивают уклонение от воинской службы и девальвируют ее статус. Но оно этого не делает. Главным образом потому, что ему не достает смелости пойти наперекор ныне господствующим индивидуалистическим и материалистическим тенденциям. Ему не достает храбрости в открытую указать на опасность, перед лицом которой стоит Израиль, потому что это бы означало необходимость принятия упреждающих мер. Руководство страны не хочет призывать общество к принятию этих

мер то ли из опасения потерять собственную популярность, то ли от неспособности подать личный пример.

В то время, когда я был единственным, предупредившим об опасности, исходящей от Ирана, многие доброжатели уговаривали меня перестать звонить в этот колокол. «Не нужно пугать людей. Они хотят посидеть в кафе, выпить чашечку двойного эспрессо, а не слушать об иранской ракете «Шихаб», — порекомендовал мне один советчик, претендующий на доскональное знание мыслей и чаяний израильтян. Я был также единственным, кто предупредил о том, что наш уход из Ливана не позволит конец столкновениям на северном фронте. Похищение и убийство троих израильских солдат в октябре 2000 года, незамедлительно последовавшее за выборами в Ливане, явилось сигналом к возобновлению деятельности «Хизбаллы», причем в точности в то время, которое было предсказано сотрудниками исследовательского отдела военной разведки Армии Обороны Израиля. Вывод наших войск без предварительного соглашения позволил «Хизбалле» занять господствующее положение вдоль нашей северной границы, тем самым держа под контролем всю Галилею. Ситуация, сложившаяся в результате этого отступления, потенциально взрывоопасна и может привести к конфронтации с многочисленными людскими потерями, включая жертвы среди мирного населения в глубоком тылу. Но мое предупреждение об этой опасности, которое, увы, оправдалось, фактически не было услышано. Политическое решение, принятое правительством, было продиктовано настроениями, сошедшимися в обществе в результате потерь в живой силе на этом фронте, где в среднем погибало два солдата в месяц. Не руководство создало эти настроения, а скорее настроение продиктовало это решение руководства. Таким

образом, в ходе своей предвыборной кампании Эхуд Барак дал обещание вывести войска из Ливана «заключив соглашение» спустя ровно год после вступления в должность премьер-министра. Ожидания, возникшие вследствие его обещания, привели к тому, что он отказался от затишья заключения взаимного соглашения. Есть разница между выводом войск в рамках соответствующего соглашения между нами и Сирией и нашим униженным уходом из Ливана в одностороннем порядке.

Примечательно, что эту пораженческую концепцию разделяли представители обеих крупных партий, слева и справа. В действительности только мы с Йоси Саридом (левая партия «Мерetz») и Узи Ландау (правая партия «Ликуд») смогли выступить против требований, выдвигаемых движением «Четырех матерей», — организации, выступившей инициатором требования одностороннего вывода израильских войск из Ливана. «Четыре матери» добились своего благодаря эгоизму и отсутствию солидарности, укorenившимся в израильском обществе.

Лидер «Хизбаллы» шейх Насралла открыто заявил, что будет использовать «Четырех матерей» в качестве орудия изгнания ЦАХАЛ с территории Ливана. Он сказал, что именно слезы, которыми истекает израильское общество, «смыли» ЦАХАЛ с территории Ливана. Немного помнят, что на этом диком каменистом поле сражения у ЦАХАЛа было преимущество. ЦАХАЛ многого добился в ходе войны с шиитскими боевиками, и силы противника были измождены значительно более наших, что является беспрецедентным достижением в истории войн регулярной армии с группировками боевиков, использующих партизанские и подпольные методы военных действий. Но в то время как ЦАХАЛ выигрывал на поле битвы, «Хизбалла» одержала победу на лоне общественного

мнения и добилась одностороннего вывода сил ЦАХАЛа без заключения предварительного соглашения.

На протяжении практически всей войны в Ливане солдат нашей армии не покидал высокий боевой дух. Они сознавали, что защищают наши северные города и села и препятствуют продвижению «Хизбаллы» к нашим границам и мирному населению Севера Израиля, проживающего в приграничных районах. Разговоры пораженческого толка, слышанные ими во время отпусков и побывок, не ослабили их духа. Но за несколько недель до ухода из Ливана деморализация проникла и в их ряды. Тогда, так же, как и в предыдущие месяцы, ни министры правительства, ни члены Кнессета не решились сказать солдатам: «Война, которую вы ведете, справедлива, война с «Хизбаллой» неизбежна, и обрывать ее нельзя». Могучие политического руководства — как слева, так и справа — способствовало ослаблению духа нации, и пораженческие настроения, поселившиеся в обществе, сказались и на боевом духе солдат. На заседании кабинета министров 8 марта 2000 года, в ходе которого было принято решение о выводе ЦАХАЛа из Ливана, я обратился к коллегам по правительству. «Не создавайте трещин в стволе орудия — такое орудие не стреляет», — сказал я, перефразируя известное израильское стихотворение. «Да что вы говорите? В самом деле такая пушка не сможет выстрелить?» — раздался циничный комментарий одного из министров.

Я уделил столько внимания отступлению из Ливана, поскольку вижу в общественных настроениях, которые привели к этому событию, наглядный пример поражения жизнестойкости израильского общества. Палестинцы рассуждали подобным образом, когда спустя четыре месяца затеяли вторую интифаду. «С вами, израильяне, мы

должны извясняться «по-ливански», — сказал мне палестинский министр информации Ясир Абед-Раббо, когда я столкнулся с ним лицом к лицу на симпозиуме в Берлине. Это было в июне 2000 года, спустя несколько месяцев после нашего отступления из Ливана, до — я подчеркиваю — переговоров об окончательном урегулировании в Кемп-Дэвиде и до начала интифады, как результат провала этих переговоров. Иными словами, к тому моменту палестинцы уже уяснили для себя, что для того, чтобы добиться ухода Израиля с палестинских территорий, совсем не обязательно вести с ним переговоры. Все, что требовалось, это пустить Израилью чуть-чуть крови, и он уйдет сам. К счастью, Абед-Раббо оказался не прав. Вторая интифада, гибель более тысячи израильян, не сломили дух нашего народа. Однако он дрогнул. Пример тому — растущая популярность идеи принятия Израилем односторонних мер — уход с Западного берега без предваряющего его заключения соглашения с палестинцами.

В будущем, и не в рамках этой книги, стоит серьезно рассмотреть все аспекты и подвести итоги отступлению Армии Обороны Израиля из Ливана. Не только как сигнал слабости, каковым он явился в глазах палестинцев, но и моральной и оперативной значимости нашего отношения к нашим союзникам в лице южноливанской армии, а также с позиции его стратегического влияния на наши отношения с Сирией.

Внутренняя сила и стойкость нации, народа, на мой взгляд, предусматривают наличие смелого национально-го руководства, которое в нелегкие времена способно обраться к нему с просьбой объединить усилия, оставив на второй план внутренние политические разногласия. Оно также знает, как объединить народ под знаменем

обшей идеи. Национальная стойкость может возникнуть на основе более справедливого общества, солидарности, системы образования, способствующей развитию патриотических чувств, при наличии руководства, способного поднять дух нации, а также — при определенных обстоятельствах — и обратиться с директивной «затынуть пояс», если это необходимо.

Не вечно нам брести по минному полю. В Иране и Сирии наблюдаются внутренние процессы, которые в конце концов приведут к краху тирании и мракобесия. В конце концов мы разрешим свой исторический конфликт с палестинцами путем заключения соглашения, а не военной силой. Это приведет к переменам в регионе, изменит обстановку к лучшему и принесет с собой экономический рост. Израиль превратится в процветающее общество в самом сердце Ближнего Востока. А до тех пор нам придется лавировать на минном поле, в опасной зоне, сохраняя силу и ответственность смотря в будущее.

Содержание

Предисловие	3
Глава 1. ОПАСНАЯ ЗОНА	7
Глава 2. МЕЖДУ ИОРДАНИЕЙ И МОРЕМ	13
Глава 3. ЕГИПЕТ — ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРОТИВНИК ИЛИ СОЮЗНИК?	39
Глава 4. ИОРДАНИЯ — НЕОБХОДИМЫЙ ПАРТНЕР	48
Глава 5. СИРИЯ — МИР ИЛИ СПОСОБНОСТЬ К ВОЕННОМУ СДЕРЖИВАНИЮ?	55
Глава 6. ТУМАННОЕ БУДУЩЕЕ ИРАКА	69
Глава 7. ИРАН — ОСНОВНАЯ УГРОЗА	75
Глава 8. ИЗРАИЛЬ И РОССИЯ: ОТ ВРАЖДЫ К СОТРУДНИЧЕСТВУ	90
Глава 9. ИЗМЕНИТСЯ ЛИ МИР?	94
Глава 10. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	101
Глава 11. ДВА ОСНОВНЫХ УСЛОВИЯ	106
Глава 12. НОВОЕ СДЕРЖИВАНИЕ	119
Глава 13. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ — АЛЬЯНС ИНОГО ПЛАНА	127
Глава 14. РЕГИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗНИКИ	138
Глава 15. НАЦИОНАЛЬНАЯ СТОЙКОСТЬ	143

Эфраим Сне

НАВИГАЦИЯ В ОПАСНОЙ ЗОНЕ

*Израильская стратегия мира
и безопасности*

Компьютерная верстка *И. И. Дубровская*
Корректор *Л. Ф. Уланова*

Подписано в печать 31.10.05. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 8,4. Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Агентство «КРПА Олимп»

115191, Москва, а/я 98

www.rus-olimp.ru

E-mail: olimpus@do1.ru